

СТАТИСТИЧЕСКИЙ УЧЕТ. ФОРМА № 1
Идентификационная таблица
Министерства здравоохранения
10.X

Т А Б Л И Ц А

АДЖИДЖИРОВ
КАРДИОЛОГ
ТУМАНО

3. Явления
4. К врачу

История болезни ребенка № ...
Имя, отчество
Поступил в школу
Выбыл из школы

Семейная история
Мать
Отец

Где родился
Где жил

Куда направлен
Куда пошел

Общая история болезни

ЛАБОРАТОРИЯ

Исследование мокроты

Общие сведения:

Микроскопическое исследование

Плоский

Морфология

Альвеолярные

Эпителиальные клетки

Шарко-Лейдена

Прививки против коклюша

Вакциноциклоп	возраст	дата	реакция	отход, количество
I				
II				
III				

дата	доза	серия*	реакция

НАДЫРЖАНОВ
ХИРУРГ
ДАСТАН

СЕРДЦЕ
РОДИНЫ

Аджиджиро Кумано

Сердце Родины. Серия
«Фронт Культуры»

«Издательские решения»

Кумано А.

Сердце Родины. Серия «Фронт Культуры» / А. Кумано —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968419-6

В дни, когда яростные ветра безудержно мечутся по широким проспектам Нуркента, столицы Республики Квaziстан, четверо пациентов Республиканского центра трансплантации узнают, что у них появился шанс получить новую жизнь. Кому достанется «пламенный мотор»? Заслужил ли он это право? Или же он лишь игрушка в руках...? Эта книга — результат трехлетней работы по описанию событий в стране, которую не знаем, но о которой много слышали. Это свирепая хроника событий, происходящих где-то совсем рядом...

ISBN 978-5-44-968419-6

© Кумано А.
© Издательские решения

Содержание

Серия «Фронт Культуры»	6
АДЖИДЖИРО КУМАНО	7
Сердце Родины	7
2019	8
К ЧИТАТЕЛЮ	9
Пролог	10
Глава I	13
То самое утро	13
Долгожданная весть	14
15 декабря 2020 г., 08.02 (время местное)	15
Пациенты палаты №2030	18
Обычные люди	21
Следователь	25
Глава II	28
Право и сила	28
Форум победителей	29
Встреча в гольф-клубе	33
Непримиримые	37
Резолюция съезда	40
Беседа в саду	44
Курсом партии	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сердце Родины Серия «Фронт Культуры»

**Аджиджиро Кумано
Дастан Кадыржанов**

© Аджиджиро Кумано, 2019

© Дастан Кадыржанов, 2019

ISBN 978-5-4496-8419-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия «Фронт Культуры»

АДЖИДЖИРО КУМАНО ДАСТАН КАДЫРЖАНОВ

Сердце Родины

2019

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой друг!

Серия «Фронт Культуры» – это идейный союз людей, не только писавших «Сердце Родины», но также всех, кто сегодня сохранил смелость высказывать свое мнение, отстаивать свою точку зрения, говорить о реальном положении вещей. Это коллективное творчество единомышленников, рассчитывающих на взаимную поддержку, взаимное уважение и помощь в трудную для Родины минуту.

Данное произведение создано на основе рассказа Аджиджиро Кумано «В сердце событий», вышедшем в 2016 году в сборнике «Голос», и оно прошло тернистый путь от небольшого повествования к повести, от повести к киносценарию, и, наконец, превратилось в сложное литературное полотно.

Все персонажи данной истории, так же как и страна, в которой она произошла, являются вымышленными. Все совпадения случайны и являются плодом творческого воображения.

Просьба к каждому прочитавшему эту работу – поделитесь ей со своим лучшим другом, товарищем или просто самым близким человеком.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

*И поникли лица пред Живым, Сущим, и обманулся всякий,
кто приносил несправедливость.*

Священный Коран, Сура 20: Та Ха, Айят 111

Пролог

*Республика Квазистан
2050 г.*

– Мама говорит, что ты скоро совсем заснешь. А это как?

Легкое прикосновение пухлой ладошки к моей иссохшей руке неожиданно вывело меня из состояния полудремы. Ставшая привычной тяжелая боль ненадолго отступила, обещая вернуться. Мир начал оживать звуками и светом.

– А давай, ты спать не будешь? Хочешь, я с тобой спать не буду? – внучка нежно погладила меня и присела на край кровати. Ее всегда улыбочливое и веселое личико сейчас было задумчиво. Легкая тень печали застыла в непослушных, прыгающих в разные стороны кудряшках и грустным облачком оттенила ее светлый детский взгляд. Непоседливая по натуре, обычно с шумом врывавшаяся в комнату, сегодня она тихо положила голову мне на плечо и заплакала.

– Не плачь, моя радость, дедушка не будет спать. Я сейчас полежу, отдохну... – в горле сильно пересохло, и уголки рта, неприятно слипаясь, мешали говорить громче.

Мне с трудом удалось поднять руку и нащупать ее ножку. Наверное, это могло быть нашим последним объятием, и я почувствовал теплоту ее детской любви. Я нежно похлопал по маленькой ножке, стараясь успокоить свою любимую непоседу, которая с пеленок обожала сидеть на мне и трогать мое лицо. Натягивать кожу, дергать за волосы. Я всегда пугал ее тем, что собираюсь укусить, рычал и пытался ухватить губами сладкие пальчики. Внучка весело кричала, прижималась ко мне и прятала ручки. Я кусал ее за плечики, целовал в шейку и с наслаждением нюхал вспотевшую кудрявую голову...

Неожиданно в комнату с виноватым видом тихо проскользнула сноха. Она испуганно подошла к кровати и стала ожесточенно шептать дочери, хватая ее за руку:

– Ну, что ты мешаешь? Я же говорила, что сюда заходить нельзя. Дедушка устал. Ему нужен покой. Пошли быстрее. Я кому сказала!

Внучка испуганно посмотрела на меня и, ведомая встревоженной матерью, исчезла за мгновенно закрывшуюся дверь. За стеной зазвучали напряженные голоса, отчитывающие внучку за ее проступок. Мне стало больно за малышку. Я хотел было прикрикнуть, но тяжесть в груди и обезоружившая усталость не дали мне приподняться.

Я откинулся на пахнувшие лекарствами, кислым потом и невымытыми волосами подушки. Мысли путались. Сердце привычно заныло, зажатое свинцовыми тисками рваной пульсации. Стало очень тяжело. Прикрыв глаза, я стал прислушиваться к удаляющимся голосам. Услышал, как кто-то заглянул в комнату, явно проверяя, все ли в порядке. Дверь снова скрипнула, и стало тихо. Пугающе тихо. Как не должно быть никогда. Как никогда в моей жизни не было. Мне показалось, что исчезли все звуки, практически последнее, что окружало меня в последние дни, не считая запыленной люстры, уныло свисавшей над моим последним пристанищем. Мой когда-то огромный и яркий мир сузился до двадцати квадратов спальни, которую я уже не покину никогда. Я давно знал тонкости узоров на выцветающих обоях и видел все щербинки на испанском гарнитуре, тяжело впившемся в небольшое пространство комнаты. Коробки с лекарствами, мазями и настойками стали моими новыми товарищами, с укоризной напомиавшими мне, что я всегда забывал лечиться. Не думал об этом. Не хватало времени. И не хватало желания.

Наконец, звуки начали возвращаться. Где-то вдалеке проехали машины, заскрипели тяжелые ворота. Понятная, размеренная жизнь напомнила о себе, приятно отозвавшись в моей душе желанием уйти тихо, не отвлекая окружающих от своих дел. Но звуки настойчиво напоминали о жизни за дверью моей комнаты.

Они врывались стремительно. Кто-то включил телевизор. Зашелестели каналы. Привычно зазвучали мелодии популярного сериала. Засвистел чайник, оглашая просторную кухню безумным свистом. Хлопнула дверь, и послышался радостный лай овчарок во дворе, увидевших, что им вынесли ужин. Пространство за дверью зашумело, зашуршало, задвигалось. Послышались голоса детей и внуков. И я вспомнил, как было приятно в детстве засыпать под звуки еще не спящей квартиры и слышать, как на кухне о чем-то беседуют родители. Было в этом что-то успокаивающее и убаюкивающее. Хлопок открывающейся двери старого, по ночам о чем-то болтающего холодильника. Звон молочных и кефирных бутылок, стоявших на полке тяжелой двери. Отец шелестел купленной после работы свежей газетой. Звук неспешно размешиваемого сахара в граненом стакане в латунном подстаканнике, и, в завершение, два четких стука ложечкой об его стеклянный край. В том мире я был беззаботным ребенком, и моим тихим счастьем было обнять взбитую мамой подушку, погружаясь в мечты о свежем хлебе, который завтра она будет печь, отгоняя меня от стола. Я засыпал, греясь этой мыслью.

Погруженный в свои мысли, перелистывая пыльные страницы своих воспоминаний, я не сразу понял, что кто-то вошел в комнату. Мне показалось, что в моей комнате появился улыбающийся отец. Молодой, с модно зачесанными назад волосами. Яркий и подтянутый...

– Выпьешь лекарства?

Я встряхнул головой, стараясь сфокусировать свой взгляд на силуэте, наклонившимся надо мной.

– Кто это? – не сразу поняв, испуганно спросил я.

– Как кто? Это я, – старший внук стоял и, натянуто улыбаясь, не скрывал своей обеспокоенности. – Тебе надо лекарство выпить.

– Да, конечно, – собравшись силами, я приподнялся на локте. Он заботливо поддержал меня за голову, второй рукой давая мне выпить лекарство и запить его водой. Стало лучше. Я попросил еще воды. Он быстро вышел. Я с дрожью в локте остался ждать, стараясь не рухнуть на опостылевшие подушки. Знобило. Внук вернулся со стаканом воды.

– Ну, как ты? – не зная, с чего начать, спросил я, погасив, наконец, мучительную жажду.

– Все хорошо. Я на занятиях был. У нас второй семестр начался.

– Молодец. Учись хорошо. Не пропускай уроки.

– Я в институте же учусь!

– А-а-а... Конечно... Извини, подзабыл малость.

– Ничего страшного...

Внук тихо присел на стоявший рядом стул. Он опустил плечи и уставился на одеяла, которыми меня укутали как младенца.

– Деда, а я тебя люблю.

– Золотой, и я тебя люблю. Я вас всех люблю. Очень.

– А почему тогда так?

– Как, мой мальчик?

– Ну... Ты работал в большой больнице. В Центре. Даже награды есть. У тебя же такие операции делали. Нам про вас до сих пор говорят. Вы же первыми начали трансплантации делать. А ты вот лежишь. Сердце болит. Ведь можно же было что-то сделать?

От переполнявших эмоций внук вскочил со стула и начал ходить по комнате, пряча появившиеся на глазах слезы. Его сознание не могло принять мое состояние, ведь он вырос на моих руках. Я мчался с работы за ним в детский сад, чтобы побаловать его сладостями и подарками. Позже он с удовольствием слушал мои рассказы о работе и о друзьях, о нашей стране и истории. И вот теперь он, горячий своей молодостью и категоричностью, мечется от отчаяния и собственного бессилия.

– Сядь, пожалуйста, а то я уже устал смотреть, как ты бегаешь по комнате.

Стараясь отдышаться и, с тоской глядя на кипящего энергией внука, я попытался сформулировать ему кое-что очень важное. Лежал и думал, что, положив руку на сердце, я не мучился. Более того, читая странички своих «историй болезни», да еще устало выслушивая причитания и негодования врачей, мне становилось ясно, что я жил просто вопреки... Наперекор... В полную силу.

– Но... Я жил, как хотелось мне. Наверное, надо было какие-то вещи изменить или пользоваться возможностями, но это в голову не приходило...

– Но ведь можно же было что-то сделать? – остывая, осторожно спросил внук. – Что может быть важнее жизни?

– Конечно, можно было, – устало сказал я, – но мысли тогда были заняты совсем другими, очень важными делами.

Я с трудом поднял дрожащую руку и протянул её в сторону одной из фотографий, стоявшей на книжной полке. Внук посмотрел на шкаф и подал мне рамку с фото. На ней было изображено несколько улыбающихся человек. Внук с любопытством стал рассматривать старый снимок.

– Что важнее жизни, говоришь? – я вспомнил одну историю, которую не рассказывал никому.

Глава I

То самое утро

Долгожданная весть

15 декабря 2020 г., 08.02 (время местное)

Республика Квazистан, г. Нуркент
Республиканский центр трансплантологии сердца.
Кабинет директора центра.

Телефон звонил надрывно, раздражая своей настойчивостью и ощущением того, что когда откроешь дверь, вызов может прекратиться. Директор Центра трансплантологии лихорадочно заерзал ключом в замке, спеша быстрее войти в свой кабинет, чтобы ответить на непрекращающийся трезвон телефона. Наконец дверь поддалась, и он бедром распахнул её настежь. Два широких шага и его рука опустилась на телефонную трубку.

– Алло... Исаев! Слушаю!

– Здравствуйте, Амир Сулейменович! – бесстрастный голос на другом конце провода сухо приветствовал Директора центра. – Я из Координационного центра. К нам поступила информация о наличии донорского материала. Мужчина. Европейец. 30 лет. Несчастный случай на производстве. На металлургическом заводе в Железногорске. Травма головы, несовместимая с жизнью...

– О, господи, такой молодой, – невольно вырвалось у директора Центра.

– Ну, такова жизнь, – сухо отозвалась трубка. – Пытались спасти... Сейчас поддерживают жизнедеятельность силами районной больницы. Хронических заболеваний нет. Нужна срочная эвакуация тела для последующего изъятия донорского материала.

– Но это же... – Амир Сулейменович задумался. – Это же почти шестьсот километров! Нам готовиться к вылету?

– Нет. «Авиаспас» подключать не можем. Погодные условия ухудшаются. МЧС дало штормовое предупреждение. Риск задержки... Опасно... Задействуем автотранспорт, – специалист Координационного центра выстреливал сухими, точными фразами, но после некоторой паузы, произнес:

– Будьте готовы направить спецбригаду на реанимационной машине. Сопровождение патрулем дорожной полиции мы обеспечим.

– Да. Конечно, да! Высылайте срочно все рабочие данные, – Амир Сулейменович засуетился. – Мы подготовим специалистов.

– Не сомневаюсь в вас и... удачи! На связи, – человек на другом конце провода резко положил трубку.

Директор в задумчивости вернул телефон на место и сел в свое кресло.

– Ну, наконец-то..., – вырвалось с облегчением из его груди.

Его можно было понять. Системный кризис, охвативший многое в стране, коснулся и работы Республиканского центра трансплантологии. Самым неприятным в этой ситуации было невероятное стечение негативных обстоятельств. Ввиду различных санкций и ухудшения транзитной логистики, планы по поставкам материала для операций и, соответственно, сам график оперирования пошли коту под хвост. Резко сократилось финансирование со стороны государства, направлявшего все больше и больше средств на проекты, имевшие все шансы похоронить само государство. Попытки работников центра максимально монетизировать услуги учреждения в условиях ухудшающейся экономической обстановки, провалились. Когда началась чехарда с обменным курсом, то Центру, приобретавшему большинство препаратов и материалов за рубежом, пришлось туго.

Директор лучше, чем кто-либо осознавал масштабы приближающейся катастрофы, но не позволял себе смириться с неизбежным. Слушая призывы покрепче затянуть пояса, он

понимал, что в их условиях это означало потуже затянуть веревку на шеях больных. Все, что творилось в стране и недалеко за ее пределами, ударом обрушилось на Центр, который практически оказался в безвыходной ситуации.

Директор сел в кресло, пытаясь собраться с мыслями. Наконец, нажал кнопку внутренней связи и, обращаясь к секретарше, уверенно произнес:

– Марина, собирай всех! У нас есть донор! Отложи все мои встречи на сегодня и постарайся ни с кем не соединять. И ещё... э-э-э... у тебя не будет сигаретки?

Совещание не заняло и пятнадцати минут. Быстро рассмотрели данные, выслушали отчет о готовности осуществить транспортировку тела донора и последующее изъятие материала, определили состав и руководителя хирургической бригады. В присутствии всех участников встречи директор лично связался с Координационным центром и согласовал все детали предстоящей эвакуации.

– Мы готовы, – его голос был решителен, но определенное волнение, все же, угадывалось.

Амир Сулейменович встал, давая понять всем, что совещание закончилось. Наблюдая за тем, как выходит последний из участников совещания, директор центра обратился к главному врачу.

– Адам Генрихович, вы принесли информацию о реципиентах?

– Да. Мы просмотрели предварительные данные, – стараясь поменьше использовать сугубо медицинскую терминологию, главврач продолжил. – Судя по общим физическим параметрам, по структуре анализа крови, у нас несколько пациентов, готовых к пересадке сердца. В общем, не переживайте. Мы готовы на все сто.

– Сколько человек готово к пересадке? – уточнил руководитель центра.

Мужчина в белом халате, несколько замявшись, ответил:

– Ну... Четверо из них сейчас у нас, в общей палате.

Он передал директору несколько папок с историями болезней.

– Четверо? Экстренники? – удивился Амир Сулейменович.

– Не все. Очередники и те, кому рекомендовано находиться под наблюдением врачей. Им всем сейчас будут проводиться повторные анализы на совместимость.

– Четверо у нас. Ясно. А остальные?

– Остальные не в стационаре, но в пределах досягаемости, – Адам Генрихович полез за другими папками, но директор остановил его.

– А тех, кто вне Центра... насколько быстро мы сможем подготовить их к операции?

– Сложно сказать. Но, в общем-то, достаточно быстро. Нам начать оповещение?

– Подождите. Тяжелых точно нет? А что с резервом?

– К счастью, нет... Резерв необходимо оповестить.

– Не спешите. Пока просто уточните местонахождение всех. И оставьте документы. Только тех четверых. А по остальным надо все-таки подумать и еще раз всё внимательно изучить.

Амир Сулейменович внимательно посмотрел на насторожившегося главврача и повторил:

– Не торопитесь, Адам Генрихович. У меня к вам просьба. Мы долго ждали материал. Столько шума было из-за этой очереди. Пока никто не должен знать о нашем решении. Вы сами понимаете. Ни пациенты, ни оперирующая бригада. Время еще есть.

– Извините, но..., – медработник привстал, – времени очень мало. Надо действовать в соответствии с инструкциями Минздрава.

– Да подождите вы с этими инструкциями, – руководитель центра скривил лицо, словно от зубной боли. – Вечно вы на министерство оглядываетесь. Вы же сами сказали, что у нас уже четверо, так еще остальных оповещать. Тут вавилонское столпотворение начнется.

– Я лишь следую положениям..., – начал было Адам Генрихович, но директор центра жестом остановил его тираду.

– Я вас понял. Давайте без горячки! Сердце одно на всех. Если бы у нас лежали те, кому и сердце нужно, и печень, и почки, и даже легкие, то можно всех оповещать. Но нам надо принимать решение именно по сердцу! Тем более, решение принимаете не вы.

Амир Сулейменович еще раз бросил взгляд на папки, которые были аккуратно собраны в стопку на его столе и добавил:

– У нас сутки. Аппарат поддерживает тело донора. Бригада только выезжает. Есть время подумать.

– Вам решать, конечно, но...

Главврач, словно желая что-то добавить, попытался протестовать, но, увидев, как директор открывает папки, махнул рукой и резко вышел из кабинета. Немного постояв в приемной, он еще раз сделал попытку вернуться в кабинет директора центра, но, хватаясь за ручку двери, неожиданно остановился, развернулся и вышел восвояси, оставив в полном недоумении растерянную секретаршу начальника.

Уже на лестнице, по пути в свой кабинет, Адам Генрихович полез в карман халата и быстро набрал номер чиновника из министерства здравоохранения. Разговор был коротким.

– Это еще раз я. Совещание закончилось. Как я и говорил, ваш товарищ в кандидаты не попал.

Он внимательно прижал трубку телефона к уху.

– Понял. Я сам его наберу. Медлить нельзя.

Пациенты палаты №2030

*15 декабря 2020 г., 08.30 (время местное)
Республиканский центр трансплантологии сердца
Кабинет директора*

Дождавшись, когда шефа перестанут беспокоить, Марина привычно занесла утренний кофе. Однако Амир Сулейменович даже не заметил этого, напряженно вчитываясь в лежащие на столе истории болезни пациентов палаты №2030 второго хирургического отделения. Они были внушительные от заключений врачей и листочков с анализами, с пачками снимков и дисков, с данными лабораторных исследований.

Несмотря на схожесть медицинской информации, он только сейчас отметил, что пациенты были совершенно разными. Каждый со своей историей и судьбой. Со своим характером и со своими взглядами на жизнь. Но заключение врачебной комиссии было одинаково тоскливо безучастным и пугающе безапелляционным. Каждому из них требовалась трансплантация сердца. Каждому срочно нужен новый пламенный мотор вместо расшатанного нервами, привычками и попустительством разболтанного, старого движка.

Все эти четверо имели абсолютно равные права на оперирование. В золотые для Центра времена можно было не особо заморачиваться очередностью, поскольку поставки шли вовремя, и можно было с уверенностью сказать, что если не сегодня, то завтра новое сердце поступит. Но обрушившиеся на них невзгоды и повсеместная истерика заставили всех, врачей и пациентов, бороться за свое право работать и жить.

Первый из пациентов, **писатель Тельман Газизович Султанов**, был старым клиентом Центра. На шестом десятке лет он оставался натурой яркой, смелой, творческой, слыл пламенным народным трибуном. Как пациент писатель прошел все мыслимые и немыслимые этапы лечения, но его категоричный подход к жизни не способствовал улучшению здоровья. Поговаривали, случись в стране честные выборы главы государства, Султанов мог бы стать народным кандидатом. Тем временем, желание писателя выразиться тонуло в ежедневной рутине. Литературные произведения Султанова давно не издавали. Вводили запреты. Преследовали. Но он неистовствовал в публицистике. Писал в газеты и журналы, при этом медленно сгорал сам в себе, и каждый публичный порыв оставлял след на горячем сердце Тельмана Газизовича.

Амир Сулейменович вспомнил нашумевшие статьи оппозиционного писателя: «Элита уводит за рубеж народные средства», «Простят ли нефтяные компании предательство Лидера?», «Зеленый передел собственности: что скрывают новые технологии?»

– М-да... Только Султанов может позволить себе такие слова, – усмехнулся директор, – и такие темы.

В этот раз Тельман Газизович поступил в центр экстренно. Врачи Центра буквально вытащили Султанова с того света. И то, что он выжил, можно было считать чудом. Он находился в критическом состоянии. Исаев мог его понять. От писателя внезапно ушла жена. Редко кто из мужчин в таком возрасте может к такому отнестись спокойно. Супруга и боевая подруга в течение десятилетий преданно подставляла свое хрупкое плечо писателю, чье революционное сознание горело на мысленных баррикадах. Почему она вот так и вдруг демонстративно разорвала отношения с супругом? И почему эта ситуация поставила его буквально на грань между жизнью и смертью? Все пытались разгадать эту загадку.

Врачи привели Тельмана Газизовича в чувство и перевели в стационар. В истории болезни поставили отметку: «экстренная трансплантация», но она некстати затянулась. Отпустить его «на волю» никто не решался. Он так и лежал, впитывая в себя грусть и боль общей палаты. Он жутко устал, но пытался шутить и вернуться к своей обычной жизни.

Вторым пациентом палаты №2030 был **Артур Гарин. Блогер, айтишник** и любимец персонала. Он появился в центре после сильного приступа, и главный врач однозначно вынес решение о включении его в список тех, кому операцию нельзя откладывать.

При этом руководство Центра пошло на совершенно неординарный шаг. Кто-то из молодых сотрудников предложил использовать популярность пациента-блогера, чтобы через него информацию об их деятельности и услугах узнало как можно больше людей.

Артур, мучаясь бездельем в ожидании операции, с радостью бросился участвовать в рекламной кампании Центра с условным названием: «Сердце Бонивура». Он сосредоточенно писал тонны постов на тему трансплантации в социальные сети, о своей готовности лечь на операционный стол ради науки. Писал без усталости, поражая многословием и готовностью делиться всем, что происходит у него в палате. Его подписчики узнали подробности больничного меню, сходили с ним в туалет и на уколы, засветились на рентгене и полежали под капельницей. Женская половина Центра была быстро завоевана юным сердцеедом, налево и направо обещавшим краснеющим медсестрам продвижение их страничек в Инстаграме.

Третий пациент пришел сам, проявив трепетно встреченную всеми готовность к полной оплате вперед. И немного сверху. На всякий случай. **Давлетгереев Ринат Олегович, предприниматель.** Он возглавлял одну из крупнейших строительных компаний Квазистана. Когда кого-то интересовали подробности, Давлетгереев лишь отмахивался и говорил: «Да строим мы... в основном школы, поликлиники...».

Когда Давлетгереев появился, то выглядел совершенно уставшим от жизни человеком. Было видно, что он многого достиг, но каждое достижение сказалось маленьким рубцом на его сердце.

Он не обладал «писательской» способностью впадать в уныние, и не пытался как блогер получить все «на халяву», так что сразу завоевал всеобщее уважение. Казалось бы, Давлетгереев мог требовать к себе особого отношения, ведь он за все платил вперед, особо не вникая в детали. Но Ринат Олегович оказался человеком простым, сразу отказался от ВИП-палаты. Амир Сулейменович понял, что большое и доброе сердце бизнесмена устало переживать. Чувствовалось, что ему нужны отдых и новые силы, мир обычных вещей и простого общения. Предприниматель перепоручил все дела помощникам и стал тихо следовать обычному больничному распорядку: послушно ходил на процедуры, сидел в очередях, проводя время в разговорах со стариками.

Четвёртый пациент палаты №2030 – **Тимур Алиханович Тарханов** – поступил в Центр по государственной квоте. Появился тихо, несмотря на то, что был известным чиновником и импозантным мужчиной, положительно выделявшимся на фоне офисного планктона Нуркента. Те, кто интересовался политикой «высоких коридоров» знали, что Тимур Алиханович слывёт восходящей звездой политики, и состоит на особом счету у руководства страны.

Между тем, Тарханов, как дисциплинированный госслужащий, послушно обходил всех врачей, с готовностью показывая справки из различных больниц и клиник. Его история болезни была самой исчерпывающей и хранила всевозможную информацию о сорокапятилетнем пациенте.

Интуиция работника госучреждения подсказала директору Центра, что поступивший к ним вице-министр энергетики часто задумывается о своем предназначении, о возможностях и реальных потребностях. Достигнув высот государственной службы, Тарханов стал размышлять о сути вещей. Он был на пороге больших внутренних изменений. Либо головокружительного рывка наверх, что требовало качественных изменений, либо тихого превращения в тех, кто говорит: «живем для детей...», «может, им лучше будет...», и просматривают каталоги зарубежных вузов, чтобы отправить потомков подальше от карающего отечественного образования. Забывая про себя. Про то, что еще на что-то способен.

Сам Тимур Алиханович, несмотря на свой высокий пост, моментально обрел имидж скромного и, как у нас любят говорить, «обычного человека». Вначале он показался всем скучным, даже занудным. Через неделю все с удивлением обнаружили, что ни один пожилой пациент клиники не оказался вне его заботливого внимания. Он много беседовал с ними о жизни, об их семьях, порой и о Боге. Чувствовалось, что он искал какие-то смыслы, время от времени погружаясь в книги, которые были сложены аккуратной и внушительной стопкой на его тумбочке.

Амир Сулейменович закрыл последнюю папку. В задумчивости он подошел к окну и отрешенно уставился на безликий город, который жил своей безмятежной жизнью за бетонным забором Центра. Только биллборд, стоявший прямо напротив его окна, ярко бросался в глаза, призывая достойно встретить очередной партийный съезд. Кажется девятнадцатый. А хотелось уже увидеть двадцатый.

«Кто из этих четверых больше всего нуждается в трансплантации? – думал руководитель Центра, ведь для каждого это был вопрос жизни, а может и смерти, – Чья же сейчас очередь жить?».

Формально должен был вступить в силу принцип очередности. На первый взгляд все просто – кто первый, тому и преимущество, но Амир Сулейменович понимал, что решение будет трудным. Он вытащил из шкафа редко надеваемый белый халат и вышел в приёмную.

– А день-то, какой хороший... И пройдёт мимо нас с вами! – директор улыбнулся пришедшей Марине.

Секретарша понимающе улыбнулась, глядя, как начальник выходит в коридор.

Обычные люди

*15 декабря 2020 г., 08.30 (время местное)
Республиканский центр трансплантологии сердца
Второе хирургическое отделение
Палата №2030*

За несколько дней, проведенных вместе в одной палате кардиологического центра, эти четверо уже достаточно хорошо узнали друг друга. Неловкость знакомства, первый обмен общей информацией были позади. После ставшего привычным раннего подъема и завтрака шли стандартные процедуры по измерению смешливыми медсестрами температуры и давления, приёму лекарств и повторению списка предоперационных процедур, которые были строго расписаны. Только к завтраку у мужчин появлялось время немного отвлечься от рутины медицинского учреждения и поболтать о чем-нибудь.

– Признаюсь честно, – покачивая ногой начал Артур, – к врачам хожу очень редко, исключительно когда уже надо завещание подписывать. Многих вещей просто не знаю. Давление там, тромбоциты, лейкоциты... То есть вроде как знаю, но на самом деле не знаю. И это бесит врачей. Судя по их вопросам, я должен отвечать как фашист перед Гитлером. Быстро, точно, слепо. Щелкнув каблуками, выбросив руку вперед и вверх.

Собеседники разразились хохотом от нарисованной сцены с фашистом, разбавленных деталями в виде характерных поз и жестов.

– Нет, серьезно, – не мог угомониться блогер, – я обычный человек! И к врачу иду, когда совсем плохо и зачастую поздно. Не люблю я мотаться по поликлиникам. У меня к людям в белых халатах классовое предубеждение.

Ринат Олегович прокомментировал, улыбаясь:

– Весело. Ну, это ты пока молодой. Со временем так хорошо узнаешь все свои болячки, что на приеме у незнакомого врача начинаешь устраивать научный диспут, пугая глубиной познаний в медицинской терминологии и методах лечения. Иногда даже выигрывая спор.

Тут вмешался Тельман Газизович, задумчиво глядевший в потолок. Он почесал грудь и стал рассказывать свою байку.

– Мне, из-за дикой постоянной головной боли и головокружений, врач назначил МРТ. Я спокойно пошёл в Центр нейрохирургии. Бодро, одухотворенно и целеустремленно, значит. Вы проходили МРТ? – неожиданно повернувшись набок, он спросил товарищей по несчастью с веселой ехидцей.

Гарин и Давлетгереев покачали головами. Только Тимур Алиханович, едва улыбнувшись, утвердительно кивнул.

– Так вот... Это такая большая труба с приборами. Меня положили на дощечку и стали впихивать в нее. Честное слово, я сразу засомневался, что влезу, но подумал, что накручиваю себя. Оказалось, был прав. Я застрял! А у меня клаустрофобия.

Все засмеялись, а писатель, прудлевая удовольствие слушателей, продолжил свой рассказ:

– И тут с криком: «Я горел в танке!», я стал вырываться из этой чертовой трубы. Хорошо хоть врачи попались понимающие и меня шустро освободили. Признаюсь, было неприятно от ощущения, что меня, зажатого, продержат там минут двадцать. Так и выскочил из кабинета. В пелеринке, из-под которой торчали наружу все мои прелести.

Пациенты палаты от души посмеялись над воображаемым образом полуголого Тельмана Газизовича.

– А вы замечали, что болезни потеряли свои привычные очертания и... как бы это сказать... привычные методы борьбы с ними? – спросил, улыбнувшись, Тарханов. – Вот раньше как было? Все ясно. Все понятно. Если дизентерия, то горшок, черный чай и сухари. Или простуда. Тогда мед, лимон, варенье, банки и горчичники. При ангине – молоко, масло, мёд. Полежал пару дней. А сейчас? Месяц назад запершило горло. Через неделю сопли потекли. Потом кашель начал мучить. И вот ты тут, в больнице. И готовишься почему-то к клизме.

– Ну, знаете..., – вмешался Давлетгереев. – Раньше-то и медицина была на совершенно другом уровне.

Писатель, разгоряченный беседой, присел на краешек кровати, хлопнул себя по коленке.

– Да ладно совок вспоминать. Там, если честно, хорошего мало было.

– Скажу честно, и сейчас ни черта не лучше, – снова отозвался Давлетгереев. – Если судить по качеству и количеству нормальных и чистых туалетов, то не то, что в пятьдесят развитых стран не войдем, а останемся в пещерном веке. Можно сказать, только с деревьев слезли.

– Вы преувеличиваете, – возразил Тимур Алиханович, считавший своим долгом поправлять «сокамерников», вечно подтрунивавших над государственными делами. – Да и с каких пор государство должно за сортирами следить? Это дело частников.

– Ну да, понятное дело, вам не до них. Туалеты-то – это базис. А вы у нас – надстройка, – Тельман Газизович смешно изобразил нечто вроде поклонения монарху, – и бизнес, по-вашему, только навар гребёт. Лопатой.

– Подождите, – Тарханов в который раз пустился в разъяснения политики «партии и правительства», но пациенты стали отмахиваться от него.

– Да ладно... Хватит нам мозги пудрить, – с упреком высказался Ринат Олегович, уставший от дискуссий. – Лишь бы у народа последний кусок отобрать. Заколебали. Ничего не сделано, а шуму...

– Как это не сделано? – с вызовом спросил госслужащий. – Вы не видите общей картины. Да, соглашусь, сейчас сложно. Времена тяжелые, но мы делаем все возможное...

– Началась политинформация, – Артур откинулся в кровать и отвернулся к окну.

Писатель с усмешкой посмотрел на демонстративно отворачивающегося молодого человека и с укором сказал ему в спину:

– А, между прочим, вам, представителям молодого поколения, как раз и надо слушать умных людей. А то такую чепуху пишете, что диву даешься. Кто это читает?

Гарин развернулся и дерзко посмотрел на Султанова.

– Между прочим, – передразнивая мыслителя, ответил он, – нас как раз таки и читают. В социальных сетях тысячи людей. Если не миллионы. В отличие от вас, уже никому не нужных «ровесников Октября», блин...

И все поняли, что парень наступил на большую мозоль пожилого человека, который побагровев, мгновенно взорвался целой тирадой о роли и «месте классической интеллигенции в жизни общества», о «непонимании молодежи усилий современных по-настоящему пишущих людей» выразить свои взгляды на жизнь.

Этот спор вспыхивал не впервые, часто демонстрируя глубокую пропасть между поколениями и социальными группами. Дискуссия то возгоралась, то резко затихала, то съезжала на юмор и смех, но постоянное тление главной темы чувствовали все.

– Вот закончат, Артур, твоё обследование, поставят на учёт, и отправишься ты писать дальше всякий бред. Встал не с той ноги, послал не туда, пожрал не то, что давали, – махнул на Артура рукой Тельман Газизович и попытался сплюнуть, но передумал. – Вашим писулькам одна дорога – в вечное забвение!

– А чего вдруг именно нас в забвение?! – возмутился юноша. – Я-то моложе буду. Вот как раз старикам у нас туда дорога. Не останется о вас никаких следов ни в памяти народной, ни – в цифровой.

Писатель окончательно разозлился и все-таки сплюнул.

– Да вы, блогеры, больше пары абзацев и написать по-человечески не можете. Как можно вас рассматривать выразителями чаяний человеческой души?

– Знаете, какая сейчас душа у людей, такие и выразители. Не хуже других. Скорее всего, даже лучше. Ведь именно нас сейчас слушают. Мы выражаем мнение большинства. И не глупым повторением политинформации, как вон, чиновники, а смело поднимаем темы.

Тут уже не выдержал Тарханов.

– Какие темы вы поднимаете? Базарите много. Шум поднимаете, а как надо выйти и почистить снег хотя бы у своего подъезда, то сразу начинаете призывать власть помочь или вмешаться.

– Извините, но люди же вам, государству, платят налоги, – вступился Давлетгереев. – Почему мне, предпринимателю, приходят от вас указания сделать то и то. Разве это нормально?

– Это социальная ответственность бизнеса, – парировал резко госслужащий. – Надо гражданскую сознательность проявлять!

– Да ладно... – Давлетгереев с упреком посмотрел на Тарханова. – Тимур, хватит уже нам мозги пудрить. Сознательность... Она возможна только тогда, когда государство сознательное. А у нас...

– Но у нас есть государственно-частное партнёрство! Наша общая ответственность!

Давлетгереев усмехнулся.

– Моя ответственность обеспечивать людей работой, платить им зарплату и вовремя платить налоги, которые вы, правительство, совершенно бездарно тратите на ненужные вещи, забывая о своих гражданах. О себе не забываете. Вовремя на операцию ложитесь.

Тимур Алиханович задохнулся от возмущения.

– Да как вы смеете? – он с трудом сдержался от ругательств. – Я по государственной квоте!

– Естественно, – Султанов ухмыльнулся, – еще и бесплатно.

– Да! – госслужащий кивнул. – Но вы-то тоже не платите!

– Я тяжелый случай. Экстренный.

– Мы все тут экстренные. Почти все бесплатно, а дураки за деньги, – Гарин отозвался из своего угла.

– Заметьте – за свои! – вновь вспыхнул Ринат Олегович. Он хотел было продолжить мысль, но смутился, заметив, как другие пациенты палаты вдруг метнулись к своим местам.

Дверь широко распахнулась и в проёме появилась решительная фигура директора Центра.

– Доброе утро! Как ваши дела? Как настроение? Вижу, что вы уже не только познакомились друг с другом, но и нашли общие темы. Про еду и питье вам сказали?

Все, кроме Тельмана Газизовича, привстали. Артур жестом предложил Амиру Сулейменовичу стул, но тот отказался:

– Я ненадолго. Хотел лично...

Тимур Алиханович осторожно произнес:

– Пока же вроде можно... чай...

– Амир Сулейменович! – напрямую обратился к директору Давлетгереев. – Вот такой вопрос. Нас тут всех готовят к операции, но сердце-то, говорят, только одно. Я... сами понимаете... Не то чтобы... Ну, просто остальным зачем мучиться и не пить, не есть?

Директор почесал затылок.

– Ага... звон уже и до вас дошёл.

Пациенты с улыбкой развели руки, дескать, само собой.

Амир Сулейменович вздохнул. Так даже лучше было. Не надо было ломать ненужный спектакль.

– Дайте нам еще немного времени. Мы же с вами взрослые люди. В таких вещах лишняя спешка не нужна. Проявите терпение.

– Если честно, – Артур снова присел на кровать, – напрягает не ожидание, а неизвестность. Вы там решаете себе, а мы даже не знаем, надеяться нам или нет.

Руководитель Центра, делая над собой видимое усилие, прямо взглянул в глаза Гарину.

– Признаюсь, на моей практике действительно впервые такая ситуация. Но вопрос решается. Мы проводим анализ поступивших данных. Нам нужно время.

– Неизвестность убивает, – с кровати произнес Тельман Газизович.

– Когда повторные анализы будут готовы, мы примем окончательное решение, – попытался успокоить больных Амир Сулейменович. – Еще пара часиков, и все станет ясно.

– Хорошо, Амир Сулейменович, – тяжело вздохнув, высказался за всех Султанов. – Конечно. Мы всё понимаем. Обещаю вам, что... мы проявим нужное терпение.

Исаев удовлетворенно кивнул и, понимая, что больше ему нечего добавить, развернулся и вышел из палаты.

– Видимо остается только ждать, – Тарханов непроизвольно спрятал глаза.

Едва директор вышел за дверь, в палату вошла санитарка, толкая перед собой передвижное ведро. Она сразу насупилась, наблюдая, как пациенты стали прятать в тумбочки продукты из магазинчика, который находился в центральном вестибюле больницы.

– Ну, посмотрите на них! – положив руки на бедра, крикнула женщина. – Называется «готовятся к операции». А сами таскают продукты. А кто за вами выносить будет? За ночь ведро вон наполнили.

В воздухе мгновенно запахло чем-то дезинфицирующим. Санитарка сноровисто прошла влажной тряпкой по всем кроватям, тумбочкам и единственному столу, стоявшему у окна. Приподнявшись на цыпочках, протёрла висевший на стене телевизор и принялась драить полы. Было видно, что эти четверо раздражали ее. Она была человеком простым, с понятными проблемами и ежедневными заботами. А вид ещё совсем нестарых больных раздражал своей несправедливостью.

– Что за мужики пошли? И так не хватает, а эти помирать собрались.

– Ну, так нас подлечат и мы снова в строй, – постарался обратить все в шутку Артур, но его слова прошли мимо ушей женщины.

– Стыдно должно быть. Старики очередь ждут годами, а этим сразу все условия. Вам не сердце лечить надо, а совесть!

– Бабушка, – аккуратно вмешался бизнесмен, – зачем вы так? Мы же по назначениям врачей тут. Как они сказали, так и мы и сделали. Думаете, сами горим желанием?

– Какая я вам бабушка? – вдруг резко сказала женщина. Ее гневный взгляд заставил Рината Олеговича смущенно замолчать.

Санитарка яростно стала водить шваброй под кроватями, тихо проговаривая про себя пыльные тирады. Закончив полы, она ушла выливать свой гнев в туалетную комнату, звонко гремя ёршиком и отчаянно смывая воду. Закончив, она крепкой рукой схватила свой инвентарь и бросила испепеляющий взгляд на сидевших с задранными ногами мужчин.

– На вас пахать надо, а вы целыми днями, как старики, лежите и стонете, – бросила в них санитарка и резко вышла из палаты.

Все неловко уткнулись в книги и журналы. Каждый лежал и, бессмысленно всматриваясь в буквы, думал о недавнем споре и словах этой разозлённой женщины. Возможно, определенная правда в ее словах, при всей неприглядности картины, надо признать, присутствовала, но соглашаться с ней никому не хотелось.

Следователь

*15 декабря 2020 г., 09.15 (время местное)
Республиканский центр трансплантологии сердца
Кабинет директора центра*

Неудовлетворенный своей сухой, канцелярской, беседой с пациентами, директор быстрым шагом проскочил пустую приёмную и зашел к себе в кабинет. К его удивлению за приставным столом сидел незнакомец. Это был молодой человек, лет тридцати. Его синий твидовый пиджак в клеточку, джинсы и рубашка отдавали американизмом.

«Странно, Марина не предупредила. Хотя я ей говорил, чтобы никого не пускала», – вспоминая отсутствовавшую на своем рабочем месте секретаршу, чертыхнулся Амир Сулейменович.

Мужчина уверенно вышел из-за приставного стола. Он оказался высоким, атлетически сложенным, с крепким, рабочим рукопожатием. Его лицо показалось директору немного знакомым, но точно сказать, где и когда они встречались, Амир Сулейменович не смог бы. Так, мимолетное ощущение.

– Здравствуйте, господин Исаев!

– Здравствуйте, – директор снял белый халат и, пряча его в шкаф, нервно сказал. – Я просил секретаря никого не пускать.

– Извините за вторжение, – незнакомец пропустил возмущение директора мимо ушей. – В приемной никого не было, вот я и взял на себя смелость...

Он полез во внутренний карман пиджака и мгновение спустя протянул возмущенному Амиру Сулейменовичу свое служебное удостоверение.

– Агентство национальной безопасности... Следователь по особо важным делам...

Директор от удивления раскрыл рот.

– Э-э-э... Чем могу быть полезен? – Исаев попытался отогнать от себя тревожное чувство. – Только очень прошу не задерживать меня слишком долго. У нас сегодня очень горячий день.

Мужчина, не дожидаясь приглашения, опустил на стул. Он многозначительно положил ладонь на лежавшую перед ним папку и неожиданно произнес:

– Я знаю. Именно поэтому я здесь.

– Даже так? – терзаемый догадками директор Центра тоже присел в свое кресло.

– Начнём с того, что в вашем учреждении готовится кое-что очень серьёзное...

От этих слов Амир Сулейменович дёрнулся.

– Уж не теракт, надеюсь..., – он посмотрел в глаза Следователю. – Нам еще этого не хватало. И так с утра, будто муравейник разворошили.

Следователь усмехнулся и, опираясь на локти, чуть наклонился к директорскому столу.

– Это напрямую связано с той операцией, к которой вы готовитесь.

– А-а-а... – Амир Сулейменович раздосадовано посмотрел на молодого человека, – если вы насчет очереди, то я вас могу заверить...

– И да, и нет, – собеседник не стал дослушивать тираду Исаева. – В какой-то мере всё действительно зависит от того, кто из ваших пациентов получит право на проведение операции. Есть информация, что здесь будут нарушены законы социальной справедливости.

Сотрудник органов бросил кивок в сторону папок, все ещё лежавших на столе директора. Его глубокий внимательный взгляд неприятно полоснул директора.

– Вокруг очереди на ваши операции сложилась, мягко говоря, непростая ситуация. Однако дело не в ней. Вернее не совсем в ней.

Следователь, видя полное непонимание в глазах Амира Сулейменовича, вздохнул.

– Попробую, объяснить вам все по порядку. Очень важно, чтобы у вас сложилась правильная картина происходящего. Наше Агентство длительное время расследовало несколько дел, содержащих реальную угрозу национальной безопасности. Масса ресурсов и несколько следственных групп. Каждая группа работала по своему фронту задач, но никто не мог предположить, что пути всех сценариев приведут прямо сюда. В ваш Центр. Именно к вам.

Амир Сулейменович отшатнулся от собеседника и с ужасом посмотрел на папки четырёх пациентов.

– Самое парадоксальное то, что..., – поправляя и без того зализанную назад прядь волос, продолжил собеседник, – ну, не знаю, назовите это роком или удивительным поворотом судьбы... Эти четыре папки, – он указал на досье пациентов палаты №2030, – и есть эти четыре сценария.

Исаев поразился наблюдательности агента спецслужбы, моментально разглядевшего содержимое его стола. Инстинктивно бросив взгляд на папки, он осторожностью всмотрелся в них, словно пытаясь угадать, чем же эти больные не угодили правоохранительным органам.

– Извините, – стараясь сразу дистанцироваться от опасности, которая исходит от лежащих на столе бумаг, сказал Исаев, – но мы не были в курсе. Нас никто не ввел в курс дела. Мы бы предприняли меры.

– Нет, нет, – Следователь поспешил успокоить Амира Сулейменовича, – сами пациенты не преступники. И у них под больничными халатами не спрятаны бомбы или оружие. Но каждый из них играет очень важную роль в тех событиях, которые должны развернуться в ближайшие часы.

– Интриги, заговоры, расследования? – хоть и скептически, но с тревогой спросил директор. – А... как вы видите мою роль во всем этом? Чем я, так сказать...? Не подозреваете ли вы меня в пособничестве «врагам народа»?

– Вы вне подозрений.

– Ну, слава Богу!

– Не торопитесь. Ситуация непростая. Нам очень нужна ваша помощь. Та роль, которую вы можете сыграть, окажет нам огромное содействие.

– Я слушаю, – с тоской в глазах сказал директор Центра, понимая, что и без того сложная ситуация лично для него становится ещё и крайне опасной.

– Прежде всего, скажите, – Следователь резко перешел на официальный тон, – когда вы должны вынести окончательное решение по поводу того, кому должна быть сделана операция?

– Вы знаете, ситуация и у нас не совсем простая, – принялся объяснять Амир Сулейменович. – Обычно мы не сталкиваемся с тем, что параметры сразу нескольких очередников совпадают с донорским материалом. Те, кто находятся здесь, в Центре, так или иначе, будут проходить подготовку к операции. Эта подготовка несложная. В любом случае минимум часа за два до вероятного прибытия сердца, мы уже должны принять окончательное решение.

Он с тревогой посмотрел на часы, висящие прямо над дверью.

– Так что у нас около шестнадцати часов. Но этот срок уже крайний по многим причинам. Во-первых, зачем держать остальных в неведении и заставлять их лишний раз нервничать? Это как-никак серьёзно больные люди, сердечники. Поэтому, скорее всего, как только завершатся повторные исследования, мы уже через часа два...

– Для нас очень важно, – перебил Следователь, – чтобы вы, всё-таки, попридержали свое решение как можно дольше. Насколько это максимально возможно.

Директор вопросительно посмотрел на молодого человека.

– Если я не ошибаюсь, вы лично принимаете окончательное решение? – отвечая на немой вопрос директора, стал объяснять сотрудник спецслужб. – Мы ожидаем, что они проявят себя. Будут выходить на вас с просьбами и предложениями. Или люди от них. Пытаться всячески

воздействовать на вас, чтобы вы обязательно приняли решение в их пользу. И только тогда мы сможем попытаться угадать сценарий и предотвратить несчастье.

– Но позвольте, – Исаев развел руками, – разве это не естественное желание любого человека попытаться решить вопрос в свою пользу? Ведь для них речь идёт о жизни. Или смерти. Разве тот, кто просит за себя, обязательно будет преступником?

– Ещё раз уточню, – Следователь сверкнул холодными глазами, – среди этих людей нет случайных персонажей. Все они, так или иначе, могут быть замешаны в очень сложных преступлениях. И поверьте, если бы их вина была доказана, то они бы уже вели другой образ жизни. Как раз наша с вами задача не только найти реальную угрозу, но и снять подозрения с невиновных.

– А мне, значит, вы определяете роль..., – директор усмехнулся, – как бы это правильно сказать? Сыра в мышеловке? А могу я хотя бы знать, что вообще замышляется? Ведь речь идёт об учреждении, которым я управляю, и если тут за моей спиной происходят некие ужасные вещи...

– Дайте мне немного времени, и я полностью введу вас в курс дела – кто, что и как. Вы же понимаете, появление донора невозможно было заранее предугадать, так что мы сами оказались в жутком цейтноте, – Следователь резко поднялся с места. – Пока давайте просто отодвинем время принятия решения. Они обязательно выйдут на вас. Либо кто-то из четырех пациентов сам сделает это, либо кто-то будет представлять их интересы. Могу я считать, что мы с вами договорились?

Амир Сулейменович задумчиво кивнул, понимая, что у него нет выбора.

– Вот и отлично! – молодой человек с улыбкой протянул широкую, на удивление мозолистую ладонь.

Они вместе вышли из кабинета. Проходя через приемную, директор заметил, что Марина, держа телефонную трубку в руках, хочет что-то ему сказать, но он жестом дал понять, что занят. Провожая своего неожиданного посетителя, Амир Сулейменович торопливо здоровался с проходящими им навстречу сотрудниками Центра. Чувствовалось, что напряжение этого дня передалось всем. Только Следователь шел, ни с кем не здороваясь, и с улыбкой смотрел сквозь панорамные окна здания на заснеженные улицы города.

– Какой сегодня замечательный день!

– Ну, наша задача здесь, чтобы наши больные как можно дольше имели возможность видеть эту красоту, – с удивлением ответил директор Центра, не разделяя радости чекиста.

– Хотелось бы любоваться не тогда, когда столько тревоги, – согласился Следователь.

– А мы не могли с вами видеться раньше? – вдруг спросил парня Исаев. – Ваше лицо мне кажется немного знакомым.

– Вряд ли, – неожиданно резко ответил собеседник и остановился у двери раскрытого лифта. – Значит, мы обо всем с вами договорились?

Он что-то быстро набрал в своем телефоне и дождался когда зазвонит трубка директора.

– Это мой номер телефона. Я буду у вас часа через три. Как обещал, посвящу вас во все обстоятельства. Если появятся какие-то новости, моментально звоните мне и ничего не предпринимайте сами. И, вы сами понимаете, о содержании нашего разговора никто не должен знать.

– Боже упаси! Естественно.

Двери лифта закрылись.

– Нарушение справедливости... Социальной, – недоуменно произнес Амир Сулейменович, глядя на высвечивающиеся цифры дисплея лифта. – Разве есть такой закон? Ещё заговоров всяких мне не хватало.

Глава II

Право и сила

Форум победителей

*15 декабря 2020 г., 10.15 (время местное)
Республика Квазистан, г. Нуркент
Дворец Конгрессов*

ХІХ Съезд Народно-демократической партии светлого большинства

Съезд Партии взорвался бурными аплодисментами. Чувствовалась хорошая подготовка делегатов. Они мгновенно улавливали многозначительные паузы и ударные акценты, которыми изобиловали выступления передовиков и деятелей. Опытное ухо могло уловить, что по залу были разбросаны заводилы, которые начинали хлопать, чётко отбивая ритм восторга, остальные же, подхватывая этот призыв, рукоплескали истошно, беспорядочно и самозабвенно. Главное – долго и громко.

Десятки ярких знамен взмыли под потолок, мгновенно поднятые крепкими, натренированными руками. Огромное пространство сразу утонуло в океане атласной материи, которая завораживающе колыхалась и будоражила сознание. Послушная галёрка, переполненная отчаявшимся выйти отсюда студенчеством, создавала в минуты триумфа звериную какофонию звуков, умело подбадриваемая снующими между рядами преподавателями.

В динамиках, установленных по периметру ярко декорированного и многолюдного зала, бодро зазвучала маршевая музыка, передавая бьющимся в партийном возбуждении массам ритмику могучей пульсации съезда. Звуковая дорожка съезда была подготовлена искусными в проведении массовых мероприятий людьми, и ее победные ритмы хорошо играли на сердцебиении делегатов, поддерживая нужный темп программы.

Экраны безжалостно били в глаза яркими и быстро сменяющимися кадрами, на которых страна утопала в искреннем поклонении курсу ликующей Партии по преодолению мирового кризиса. «Наши поезда самые быстрые в мире!», – кричали стремительно мелькающие составы национального перевозчика. «В наших плавках – наша сила», – заявлял о себе исполинский ковш, ливший огненный поток расплавленного металла. «Нам солнца не надо, нам Партия светит. Нам хлеба не надо, работу давай», – требовали трудовые коллективы по всей стране. И родное лицо космонавта, уносящегося в звездное небо, чтобы там, далеко на околоземной орбите, совершить быстро забытый исторический подвиг.

Было видно, что народ в едином порыве бросал себя под рельсы стремительно наступающей победы единственно верной политики бессменного руководства независимой страны. Вышедшая на сцену детская писательница буквально прильнула к микрофонам.

– Дорогие друзья! – возбужденное сознание прилипшей к трибуне Тамары Ильясовой будоражила торжественная атмосфера зала. – В эти непростые для нашего неустрашимого народа времена, мы, верные партийцы, как один, встаём и смело подставляем наши плечи потрясающим по своей гениальности и размаху инициативам руководства Партии. Только Ваши идеи, Ваше видение и Ваше сердце могут исполнить мечты и чаяния простых людей...

Увядавшую красоту женщины, представлявшую на съезде творческую интеллигенцию в общем, и Союз писателей страны в частности, разрывало от желания как можно точнее выразить глубокое чувство любви к Партии. Напряженная в экстазе фигура, тяжело вздымающаяся монументальная грудь и прыгающий шиньон на макушке кричали о могучей, пронзающей ее хрупкую женскую природу, силе преклонения перед сияющими в президиуме титанами. Только крепкие, налитые жилистым свинцом икры удерживали её от того, чтобы не упасть в обморок прямо на сцене.

Человеку, наблюдавшему эту фантазмагорию со второго ряда, было глубоко скучно. Он уже всё это видел тысячу раз на репетициях, сам часто участвовал в процессе подготовки таких съездов и был очень близок к идеологам происходящего. Он жил этой системой, даже был во главе, по крайней мере, входил в лихую сотню людей, воспринимавших идеологию Партии как своё кредо и призыв к действию.

Сейчас же Аполлон Леонидович Кариатиди устало сидел в кресле, наблюдая, как к рядом стоящему микрофону льнут подготовленные ораторы, изливая свои верноподданнические чувства.

Он слегка наклонился к своему сидящему рядом коллеге.

– Вот как может нравиться такое откровенное подхалимство?

Однопартиец, едва сдерживая предательский зевок, с удивлением произнес:

– Аполлон Леонидович, первый день живешь что ли?

Кариатиди оглянулся вокруг. Зал бурлил, но он точно знал, что самое интересное было «спереди». Дав залу излить свои верноподданнические рулады, и в соответствии с регламентом, ведущие перешли ко второму акту театральной постановки.

Появились новые докладчики. Говорили дело. Рвали на себе тельняшки и личным примером доказывали, что Партия не просто борется с мировым кризисом, но смогла поднять народные массы и бросить их в пекло «священной трудовой войны». Войне нужны были сражения и нужны были герои.

Зал внимал пламенным речам о масштабной акции «Национальное соревнование», которая началась за несколько месяцев до съезда. Партия сказала «надо», и дело пошло! Тяжелоатлеты стали бить рекорды, хоккеисты морды, таможенники ускорять, а налоговики увеличивать добычу. Судя по жестикологии выступающих, у людей кружилась голова от достижений, многих буквально лихорадило в победных конвульсиях.

Кульминацией съезда стало оглашение итогов национальной акции и вручение высоких государственных наград. Церемония награждения проходила помпезно: фанфары, видеоряд с лицами победителей и перечислениями их свершений, крики «ура!», девушки в национальных костюмах, букеты цветов и рукопожатия. Участников действия организаторы заранее рассадили в первых рядах, чтобы они, не мешкая, проходили к президиуму, члены которого вышли на подиум.

– Представляешь, у них там сейчас весь регламент насмарку пошел, – неожиданно шепнул Аполлону Леонидовичу сосед. – Они должны были награды вручать, а один из награждаемых погиб.

– Да ты что!? – спросил шокированный новостью Кариатиди. – А кто?

– Валерий Одинцов.

– Да ну?! Самый нормальный среди этих клоунов. А что случилось?

Стараясь говорить как можно тише, мужчина пододвинулся к однопартийцу.

– Травма на производстве.

– А чего он там на своем заводе ошивался? – еще больше удивился коллега. – Разве его не должны были перевести в Центральный аппарат Партии?

– Вот после награждения и хотели, – информированный человек только развёл руками. – А он, бац, и всё. Там столько биллбордов заготовили, передач наснимали, плакаты, вымпелы всякие...

– А чего он? Одинцов?

– Да не знаю. Всякое могло случиться. Сам понимаешь – пролетариат.

Тем временем на сцену залетали все новые и новые награждаемые. Отличившиеся рвали на сцену, выхватывали награды и стремительно ее покидали. Участники съезда, управляемые рукой опытных режиссёров, ни на минуту не понижали градус своего хорошо отрепетированного восторга. Люди лезли друг на друга в попытках чётче и громче обозначить присутствие

руководящей роли партии в своей простой жизни, освещаемой ярким светом борьбы за будущее поколений.

Неожиданно из задних рядов донеслось громогласное: «Слава героям!», и инстинкт толпы незамедлительно подхватил где-то всеми услышанную фразу, усиливая сочность происходящего на сцене. Поддавшись атмосфере всеобщего ликования, некоторые из уже награжденных привстали со своих мест, размахивая букетами. Аудитория взвыла от ликования, и люди начали вскакивать, скандируя: «Героям – слава!». Лица нескольких почетных делегатов из России перекошились от недоумения. Члены президиума съезда, нервно переглядываясь, тихо возвращались на свои места. Символизм лозунгов вдруг покотился совершенно в ненужную сторону, которая явно не понравилась гостям с Севера.

Видя, что действие опасно выходит за рамки сценария, организаторы нервно заматались за кулисами Дворца Конгрессов, истошно крича указания и распоряжения в мокрые от пота рации. Из буфета стали срочно вытаскивать оркестр национальных инструментов, размеренно ожидавший своего выхода на сцену для открытия скучного концерта, по традиции завершавшего форумы Партии. Из гримёрки к сцене раньше времени и почти силой вывели разгневанную эстрадную певицу, дабы направить энергетику аудитории в нужное русло.

После короткой вокально-патриотической паузы, на сцену был приглашен почетный гость съезда – руководитель крупного зарубежного экологического фонда. Сектор иностранных гостей засуетился, приветствуя известного лидера международного «зеленого» движения, который своей неповторимой азиатской походкой быстро засеменял к трибуне. Несколько иностранных теле- и фотожурналистов сразу провели к сцене, чтобы те могли запечатлеть это историческое событие. Высокий гость приятно улыбнулся в объективы телекамер и призывно помахал своей маленькой старческой ладошкой огромной аудитории, с интересом наблюдавшей за человеком, которого они видели лишь в международных теленовостях.

– Уважаемый господин Председатель, – он с подчеркнутым уважением повернулся к руководителю партии, который довольно улыбнулся, услышав слова в свой адрес, – я очень рад снова посетить Квазистан. Нуркент поистине стал важной международной площадкой для обсуждения не только актуальных текущих тем, но и вопросов будущего глобального развития. Хочу особо подчеркнуть, господин Председатель, Ваш личный, беспрецедентный вклад в этот процесс.

Китаец жидко, по-старчески захлопал в ладоши, съезд разразился ответной овацией, а Председатель ответил скромным поклоном. Выступающий быстро вынул из кармана аккуратные листочки с иероглифами и бойко продолжил:

– В мире сложилось много проблем поистине фундаментального характера, но со своей стороны, разрешите заверить вас – в решении этих проблем наш фонд ... – Пауза и взгляд в зал, – и я лично, – взгляд на президиум, – готовы оказать самую активную поддержку.

По словам этого маленького человека, за которым стоит не только фонд, но и влиятельная и огромная страна – «зеленая» экономика, преодолевая огромное сопротивление со стороны традиционной энергетики и ресурсных отраслей, пытается завоевать свое место под солнцем.

– Наше сотрудничество, – он снова демонстративно повернулся к президиуму съезда и жестом показал на притихшую аудиторию, – позволит вам занять прочные, доминирующие позиции в мире, показав, что Квазистан переходит от декларативного этапа к этапу внедрения совершенно новой модели «зеленой» экономики. На международной арене ваш бесценный опыт станет основой нового глобального научно-технологического прорыва, в котором с нашей стороны мы предложим всю необходимую финансовую поддержку, чтобы совместно реализовать этот важнейший, четко очерченный с технологической и правовой точки зрения, этап.

Он долго говорил о добрососедских отношениях между странами, рисуя самые яркие перспективы будущего сотрудничества, которые всецело зависели от последовательных

и решительных политических действий именно со стороны руководства Народно-демократической партии.

– Кроме того, появление такого масштабного прорывного проекта, как будущая Международная выставка «зеленых технологий» в Нуркенте, стимулирует резкий скачок в развитии Квазистана. Безусловно, это обеспечит огромный поток международных инвестиций, – уверенно разглагольствовал представитель большого и гордого народа.

– Мы, экологи, можем на себя взять роль переговорщиков в предоставлении правительственных гарантий или поручительств. Это, несомненно, повысит значимость вашей страны в мировых финансовых кругах и станет хорошим полигоном для ухода от «нефтяного проклятия». Пора сбросить оковы сырьевой зависимости и двигаться к новым рубежам!

Аплодисменты сменялись овациями, овации – звонкими бурными рукоплесканиями. Началась настоящая фантазмагория призывов, признаний и восторгов. Лишь один человек в президиуме презрительно смотрел в спину выступавшего оратора.

Встреча в гольф-клубе

*5 октября 2020 г., 18.00 (время местное)
Объединенные Арабские Эмираты, г. Дубай
Гольф-клуб «Эмирэйтс»*

Официант-пакистанец ловко сервировал небольшой плетёный столик, заставляя все пространство напитками и закусками. Гости клуба попросили обслужить их на площадке для отработки ударов, поскольку ресторан клуба к вечеру заполнялся шумными посетителями. Парень поправил скатерть, проверил, все ли бутылки с напитками сложены в ёмкость со льдом и, перед тем как исчезнуть, так как новых указаний не было, подобострастно улыбнулся, ловко пряча поданную одним из гостей купюру.

Статный пожилой американец с красивой благородной сединой в волосах подошёл к рубежу и стал разминаться, время от времени нанося по невидимому шару резкие, свистящие удары. В тени под навесом удобно расположились его собеседники. Один из них был также по-спортивному одет и выделялся своей ярко красной бейсболкой. Двое других были одеты в традиционные белоснежные местные наряды.

Лишь пятый человек в этой группе резко контрастировал с остальными. На нём был шикарный, но чуждый для такого приятного времяпрепровождения официальный костюм, накрахмаленная рубашка и галстук. Он чувствовал себя неловко. Хайбол с виски в руках помогал ему скрывать легкий озноб, который он ощущал, несмотря на духоту аравийского вечера.

Американец, наконец, поставил мяч и хорошо отработанным движением отправил его куда-то за горизонт.

– Всё-таки я не могу до конца понять, чью позицию вы выражаете, – он с любопытством посмотрел на человека в костюме, – вашего руководителя, государства или свою частную?

Человек в костюме внимательно посмотрел на американца.

– Прежде всего, я патриот своей страны и всё, что делаю и говорю – в её интересах, – сдержанно ответил гость.

Он поднес бокал к губам, делая хороший глоток, и продолжил:

– И если кто-то, пусть даже облеченный высшей властью, начинает вести нашу нацию к краху, то мое личное мнение, как гражданина, не может совпадать с такой позицией.

Сидящие за столиком люди кивнули удовлетворенно, но равнодушно.

– Это похвально, – наклоняясь чтобы поставить новый мяч, вздохнул американец. – Мы, собственно, никогда и не сомневались в вашей искренней патриотической позиции, но...

Он пару раз провел клюшкой над мячом, чтобы потом резко, наотмашь ударить, с удовольствием прокручиваясь всем телом вокруг своей оси. Взгляд американца внимательно проследил за летящим вдаль мячиком. Лишь когда тот приземлился, он удовлетворенно кивнул и продолжил прерванную фразу.

– Но здесь собрались деловые люди. Этих джентльменов в меньшей степени интересуют сантименты. Мы обсуждаем бизнес, только бизнес. Это позволяет нам сохранить чистоту критериев.

Человек в костюме вдруг решил немного расслабить галстук и, при этом, усилив напор в своих словах.

– С моим руководством у вас, – начал он, – можно сказать, сложились уже более тёплые отношения, нежели просто деловые. Причём гораздо теплее, чем у присутствующих здесь джентльменов, разве не так?

– Предположим, что так, – американец подошел к столу и достал из таза со льдом покрытую испариной бутылку «Эвиан».

– Может именно этот факт и мешает вам увидеть в том, что я говорю, бизнес и именно бизнес? Скажем так, не затмевает ли он эту вашу... чистоту критериев?

Американец громко и вполне добродушно рассмеялся. Он махнул рукой стоящему поодаль кэди, чтобы тот забрал клюшку. Бросив свою бейсболку на стол перед собой, он приблизился к гостю и положил руку ему на плечо.

– Замечательно. Я всегда ценил ваш острый ум и уверенность в себе. Что ж, продолжайте. Только избавьте нас от мелких деталей. Если можно, чего конкретно вы хотите от нас?

– Вы и ваша компания оказали очень важную помощь нам в строительстве нашей экономики. Да что уж там говорить, вы и есть строители её основной отрасли – нефтегазовой. Мы, так сказать, уже давно близкие и надежные партнёры. И друзья.

Один из арабов неожиданно потянулся к журнальному столику, взял пару журналов и протянул их беседующим. Глянцевые обложки пестрели логотипом приближающейся международной выставки «зеленых» технологий.

– Тогда объясните нам, друг наш, что все это значит, – мягкий акцент несколько сглаживал сталь, вспыхнувшую в его глазах, – «зеленые» технологии, «зеленые» инвестиции? Мы знаем, что это лишь прикрытие. А на самом деле вы настежь открываете двери Китаю и идёте на пересмотр наших устоявшихся, дружеских отношений. Разве не так?

Араб сопровождал свою речь активной жестикуляцией:

– Значит, теперь китайцы ваши новые друзья? – тон говорившего стал более напористым. – Скажу прямо, мы склонны расценивать это, ни много, ни мало, как... предательство вашего руководства. Конкретно вашего шефа. Разве так поступают со старыми друзьями?

– Сегодня в мире мы, как у вас говорят, «представители коричневой экономики», отчаянно боремся за сохранение своего влияния, – американец полез за второй бутылкой воды. – А вот такие идеи не просто внушают нам раздражение. Мы понимаем, что они могут решительно развернуть вас против нас и нашего общего дела.

Человек в белом снова по-ближневосточному вспыхнул.

– Мы получаем удар не от какой-то страны, которая никогда и не нюхала благ от энерго-ресурсов, а от нашего давнего партнера, нашего, если хотите, акционера.

Резко повернувшись ко второму арабу, он перешел с английского на стремительный арабский. Американец примирительно махнул рукой.

– Халас, мой друг, – он обратился к закипевшему товарищу, затем повернулся к гостю клуба. – Единственное, что мы пытаемся понять – зачем здесь вы? Убедить нас от имени своего шефа, что это просто недоразумение и, скажем так, популистская уловка? Энергия будущего, новые технологии, зелёное финансирование – все эти лозунги для отвлечения внимания прессы или простого народа? Или это все-таки подтверждение наших самых худших предположений? – Американец продолжил, четко чеканя каждое слово. – А это значит, друг мой, что вы, ваше политическое руководство, а, следовательно, и ваша страна, благополучие которой создано руками этих вот джентльменов, стали на путь открытого предательства.

Человек в костюме хотел было ответить, но его опередил араб.

– Прошу вас понять, дорогой, – уже миролюбиво обратился он, – мы можем понять любые политические выкрутасы для публики. Но никак не изменения привычного течения денежных потоков из вашей страны. Так что вы скажете нам?

Гость пододвинул к собеседникам стул и спокойно подлил себе еще виски.

– Прежде всего, я прибыл сюда не для того чтобы как-то объяснить или оправдать позицию своего шефа. Я приехал по личной инициативе.

– Та-а-а-к... Та-а-а-к... – собравшиеся переглянулись.

– Вы уже и без меня получили сведения, что никакой это не популизм. Это действительно резкая смена курса. И это действительно... – он многозначительно посмотрел на собрав-

шихся, – поворот русел финансовых рек в другую сторону. Даже хуже. Для всех нас. Это пересмотр ваших контрактов.

Он заметил, как американец переглянулся с молчавшим до сих пор вторым джентльменом, одетым для игры в гольф. Тот нервно поёрзал в плетеном сидении.

– Было бы благоразумным не забывать, друг мой, и про транзитные пути. Какой такой пересмотр вы задумали здесь?

Американец удовлетворенно кивнул и снова обратил свой взор на гостя.

– Самое главное для меня, – продолжил человек в костюме, пропустив мимо ушей эту реплику, – это горькое предательство со стороны моего шефа, моего Председателя. Человека, тенью которого мы искренне считали себя многие годы. Под чьим мудрым руководством мы были счастливы работать. Так вот сегодня мудрость его подвела. Он погнался за ярким блеском новых идей, его манит то непонятное и неизведанное. Но главное, его манит быстрота и надежность финансовых схем, которые ему предложили новые друзья. И я подумал... Я подумал, что так быть не должно. Что я должен предотвратить эти авантюрные шаги. И к кому, как не к старым, верным и проверенным друзьям я должен был обращаться?

– Конечно, друг мой, – американец понимающе улыбнулся, – конечно.

Второй гольфист в красной бейсболке неожиданно встал и положил перед человеком в костюме разворот журнальной статьи.

– А вот собственно и цена этого предательства. Эксперты уже все просчитали и озвучили.

– Джентльмены, да оставьте вы эти цифры, – американец захлопнул журнал. – Могу ли я предположить, друг мой, что вы приехали сюда не просто, чтобы лить слёзы, а предложить нам конкретный выход из ситуации?

– Конечно. У меня есть идея, как одновременно лишить себя «удовольствия» общаться как с предателями, так и с теми, кто их надоумил совершить эту подлость.

Один из арабов придвинул свое кресло ближе и сам, не дожидаясь официанта, наполнил бокал гостя. Затем он жестом попросил всех подсесть поближе друг к другу, что они и сделали. Гость привстал, с облегчением снял костюм и только потом, наклонившись к своим партнёрам, стал рассказывать им свой план.

Внимательно выслушав его, заговорил второй арабский шейх:

– Нужно сделать так, чтобы это имело громкий резонанс в мире, – он говорил на английском с сильным акцентом, но мысль доносил по-военному четко, – чтобы сигнал дошел до всех.

Араб внимательно посмотрел на гостя и продолжил:

– У нас найдутся каналы поддержки для вашего плана. Мы вам поможем на этой стороне. Возможно и у вас. Вам понадобится помощь специалистов, их мы вам предоставим, но всё, что касается организации внутри вашей страны – за вами. Я думаю, вам по силам справиться.

Американец молча оглядел всех, дождался, когда все кивнут в знак согласия, и решительно кивнул сам.

– Я так полагаю, что здесь и сейчас, вы пообещаете, что и впредь будете гарантом и защитником наших общих интересов.

– Конечно, – гость откинулся в кресле и прямо посмотрел в глаза американцу. – Особенно, если это позволит мне... должность лидера моей страны.

Повисла пауза. Завсегдатаи клуба быстро переглянулись между собой. Лишь американец продолжал смотреть в глаза гостю:

– Я думаю, на пути к ней у вас достаточно крепких конкурентов, чтобы вы могли решить этот вопрос самостоятельно. В такой ситуации цена внешней поддержки ваших друзей резко возрастает. Это раз. Два – это то, что лично вы должны проявить недюжинную решительность и настойчивость... – Он сделал многозначительную паузу. – ...И умение не отступать от главной цели.

Гость нервно затянул галстук, хотя больше всего хотелось его расслабить. Да и вообще снять.

– Помните, – продолжал американец под одобрение других участников тайной встречи, – на первом этапе должно быть устранено главное препятствие. На втором – к власти должны прийти именно вы. Идеальным было бы все сделать одним махом, безо всяких этапов. И сделать это нужно безупречно. Ведь уход одной персоны еще не означает, что на досрочных выборах победу одержите именно вы.

– Не обязательно быть на момент выборов самым популярным или занимать должность наиболее близкую к Председателю. Важно, чтобы другие не захотели... Или не смогли участвовать.

Гость хищно опрокинул почти полный бокал виски и резко поднялся из-за стола.

– Будем на связи.

– Давайте я вас отвезу, – поспешил встать немногословный четвертый участник в красной бейсболке. – Вы же в гостиницу?

– Думаю да. Жена, наверное, уже вернулась с шопинга, – гость крепко пожал на прощание всем руки и откланялся.

Уже у машины он с наслаждением развязал галстук. Уверенно потянул на себя дверцу, чтобы спрятаться в прохладе кожаного салона автомобиля.

– Что ж, поздравляю, вы смогли их убедить, – улыбнулся гольфист, садясь за руль.

– Спасибо за помощь.

– Для меня... Вернее, для нас тоже самым большим удовольствием будет видеть вас во главе вашей нации.

– Знаете, меня немного удивило...

Спортивная машина выехала на многополосную Шейх Заед Роуд, вливаясь в летящий поток машин.

– Что, друг мой? Говорите без стеснения.

– Они не удивились ни то, что я... Ни тому, что я предложил.

Спокойно лавируя между многочисленными дубайскими такси, человек за рулем лишь улыбнулся.

– Ну, пришлось немного помочь земляку.

Собеседник ухмыльнулся.

– Сергей Викторович, я порой забываю, что мы с вами из одной области.

– Да. Но районы-то разные, – рассмеялся партнер, потом вздохнул и добавил. – Я, если честно, как в армию ушел, так и не был на своей малой родине. Потом Москва, военное училище, первая чеченская... М-да...

Гость вдруг словно опомнился и предложил:

– У-ф-ф... Чего это мы? Давайте же на русский, наконец-то, перейдем?

Непримиримые

*15 декабря 2020 г., 11.00 (время местное)
Республиканский центр трансплантологии сердца
Второе хирургическое отделение
Палата №2030*

Для пациентов палаты №2030 время текло очень медленно. Повторно сдав анализы, больные собрались в палате. Их угнетало отсутствие новостей, безуспешные попытки расспросить врачей и гробовое молчание медицинского персонала. Настроение всех четверых было крайне пессимистичным. Давлетгереев и Артур, чтобы хоть как-то убить время решили сыграть в нарды. Тимур Алиханович завалился на кровать и уткнулся в книгу, лишь Тельман Газизович нервно ходил по палате, еще больше раздражая соседей по палате.

– Вот зачем, спрашивается, тянуть кога за хвост? – Тельман Газизович резко остановился посередине комнаты. – Лучше бы я дома оставался. И вообще, скажите прямо, что оперировать будут не меня, и я домой пойду.

Он махнул рукой, словно внутренне спорил с кем то и вновь зашагал из угла в угол.

– Вы же сами обещали директору проявить терпение и дождаться, – упрекнул его Тарханов.

– Так два часа прошло! – нервно вскрикнул Султанов. – Можно же было уже прийти к какому-то решению!

Артур яростно вскинул игральные кубики и усмехнулся.

– Бойтесь, что выберут не вас?

– Да, – писатель бросил суровый взгляд на блогера. – Представьте себе, боюсь. А ты как будто не боишься? Только не говори, что тебе всё равно.

Тарханов, не отрываясь от книги, произнес:

– А чего ему бояться? Он молодой. У него по всем правилам шансов больше, чем у нас. Так что, скорее всего, выбор падёт именно на молодого человека. На него, – чиновник кивком указал на Гарина.

Артур сделал ход, щёлкая нардами, и улыбнулся. Ринат Олегович насупился. Игра у него явно не шла. Вернее, он не мог сосредоточиться.

– Вы, Тимур, так говорите, как будто это вас абсолютно устраивает, – Тельман Газизович подошел к кровати Тарханова.

Тимур положил книгу на грудь и, закинув одну руку за голову, стал заводить писателя:

– Нет, не устраивает. Но моё мнение здесь ни при чём. В данном случае выбор делает государство, страна, если вам угодно. И она выберет именно того, кто воплощает собой её главные ценности. Молодость. Прогресс.

– Надо же, сколько патетики, – передразнивая госслужащего, усмехнулся Султанов. – Я так понимаю, под главной ценностью вы подразумеваете и себя тоже?

– Может и себя. Если бы вы только знали, на какой фронт меня поставила Родина, и сколько мне предстоит ещё сделать.

Писатель хмыкнул и театрально обвел рукой помещение:

– Прекрасно! Просто здорово, – он стал повышать голос. – А мы, значит, для Родины социальный мусор?

– Знаете что? – начал сердиться Тарханов. – Мне иногда кажется, что вы вообще ненавидите всё, чего страна достигла.

Писатель видя, что вывел Тарханова из равновесия, зло засмеялся.

– Грабёж этой самой Родины – вот ваше главное достижение! Не надо называть страной кучку вашего обезумевшего от воровства начальства.

Спор соседей не давал Артуру и Ринату сосредоточиться на игре. Видя, что дискуссия достигла точки кипения, Давлетгереев не выдержал:

– Да ладно, хватит вам...

Ему, наконец, удалось сделать нужный ход и, пока блогер раздумывал, он обратился к спорщикам:

– А я думаю, что предпочтение должны отдавать тем, кто платит свои кровные деньги. Тогда не надо государством прикрываться. Не буду скрывать, друзья, я искренне надеюсь, что выбор, в конце концов, выпадет на меня.

Султанов хлопнул себя по бёдрам, изображая высшую степень удивления. Он с интересом посмотрел на бизнесмена и перевёл взгляд на Тарханова.

– Вот, полюбуйтесь! Это ваша работа – создать такое общество, где деньги решают всё. Вот они ваши настоящие главные ценности.

Артур, в очередной раз обойдя в игре Давлетгереева, примирительно простёр ладонь вверх:

– Да ладно вам, Ринат Олегович. Вы хотите сказать, что он, – Артур кивнул в сторону Тарханова, – лечится не на наши с вами кровные деньги? Все эти бюрократы и партийные деятели только и делают, что прожирают налоги.

– Вы государственную службу с партийными функционерами не путайте! – вставая с кровати, резко ответил Тарханов. – Мы, госслужащие, всё-таки основа государства. Мы создаем её будущее. Тем более те, кто работает в сфере экономики.

Тельман Газизович окончательно взорвался.

– Это вы создаете будущее? Вы бюрократы всегда были и будете в истории паразитическим слоем. Какая вы к черту основа? Что вечного вы умеете создавать!? – Султанов стал активно жестикулировать, снова начав метаться по палате. – Если уж на то пошло, нация должна сохранять свою интеллигенцию. Это мы – будущее!

Артур понимая, что он очередной раз обыгрывает Давлетгереева, почесал руки, улыбнулся и повернулся к Султанову.

– Печатная машинка – ваше будущее, господин писатель. Это же на них ваше поколение печатает эти загадочные «письма трудящихся» о всемерной поддержке и любви к руководству. Да, и кляузы друг на друга, – скептически морщась, заявил блогер.

На этих словах Тельман Газизович заметно побледнел и демонстративно отвернулся к окну. Тем временем, Гарин продолжил:

– Вы прекрасно устроились. Одни творят что хотят, другие им подпевают. Талдычите с трибун умные слова «кибер-защита», «зеленые технологии», «модернизация», а на деле вы – прошлый век. Вообще в этих вещах ничего не смыслите. Палеолит! А говорите, что будущее за вами.

Давлетгереев в сердцах хлопнул нарды, встал и решительно вмешался в беседу:

– Вот если взять, к примеру, бизнес. Если бы слушали нас, предпринимателей, не было бы всей этой толпы бездельников и бюрократов. Вот это и есть светлое будущее.

– Ринат, вот почему вы всех госслужащих под одну гребенку? – Тарханов посмотрел на бизнесмена. – Да, я тоже в этой стране живу. Да, воруют. Но есть же и нормальные люди, честно выполняющие свою работу. Я именно о них и говорю.

– А может, вы говорите о себе? – съязвил Ринат Олегович.

– Да хоть бы и о себе! Вы ведь, на самом деле, тоже о себе.

Султанов, который, казалось, был погружен в собственные мысли, задумчиво промолвил:

– Н-да... Говорим от их имени, но подразумеваем-то себя...

Давлетгереев решительно направился к двери.

– Да что сидеть и ждать? – он задержался в дверях, обращаясь к собеседникам. – Мы так глотки друг другу перегрызём. Пойду к директору и просто спрошу напрямую. Да-да, нет-нет.

– Я с вами! – Тарханов двинулся в сторону двери.

– Нет, – бизнесмен решительно остановил госслужащего, – давайте без массовых шествий. Вначале я сам. Потом, конечно, я вам все расскажу.

И вышел из палаты, оставив остальных продолжать беспокоиться о своей участи.

Резолюция съезда

*15 декабря 2020 г., 11.30 (время местное)
Дворец Конгрессов*

ХІХ Съезд партии Народно-демократической партии светлого большинства

Проводив под громкие аплодисменты почётного гостя, ведущие торжественным шагом вышли из-за трибуны и подошли к середине сцены и, словно ища друг у друга поддержки, обратились к залу. Их скорбные лица, озабоченность во взгляде диссонировали со звенящей аурой съезда.

– Дорогие друзья! Сегодня мы чествуем наших победителей. Людей, своим героическим, сверхчеловеческим трудом вносящих огромный вклад в дело борьбы с мировым кризисом. Их подвиг высоко оценён руководством Партии. Сегодня эти люди являются для нас не просто примером, они стали героями страны, героями нации!

Хорошо поставленным театральным голосом популярный в народе телеведущий продолжал вводить участников в транс, усыпляя патетикой слога и высокопарностью речи. Неожиданно он стал говорить о павших героях. Зал застыл в удивлении. Его коллега, в своей по-женски мягкой и теплой манере, поделилась трагической новостью о том, что один из лидеров акции победителей, молодой и перспективный рабочий известного металлургического завода стал жертвой несчастного случая буквально в преддверии съезда. Валерий Одинцов. Тот самый, о котором шептались в зале партийцы, Аполлон Леонидович и его коллега.

Это было действительно шокирующей новостью, поскольку именно его открытое, смелое лицо простого труженика стало «визитной карточкой» соревнования. Настоящий металлург, представитель уважаемой в стране профессии, этот парень был из семьи рабочих, также посвятивших свою жизнь работе на данном заводе. Как говорили про него – «представитель трудовой династии». Кадры из его интервью, взятом на главном ТВ-канале страны, очень часто повторяли. Молодой человек оказался не только трудолюбивым. В нем неожиданно проявились открытость и личное обаяние. Сталевара уже несколько раз приглашали на различные форумы и встречи в рамках акции, снимали в роликах вместе с известными спортсменами и деятелями культуры. Было видно, что руководство благоволило ему и покровительствовало. Говорили, что парня ждет хорошее будущее. И не только на трудовом поприще. И вот вдруг... его не стало.

В желании передать боль утраты, которую испытывает Партия, ведущая потянулась вперед и дрожащим голосом обратилась к потрясённому залу:

– Несчастный случай украл у нас прекрасного, сильного молодого человека. Но его дело будет продолжено. В наших делах, в наших победах, в наших сердцах! Мы будем вечно помнить мощь его свершений и красоту его духа! Его сердце будет жить вечно!

На ее последних словах Председатель партии первым привстал, чтобы почтить память молодого металлурга. Сидящий за ним начальник личной охраны, человек со стальными нервами и широким, бросающимся в глаза шрамом поперек щеки, сразу вскочил. Его высокая и широкоплечая фигура моментально закрыла пространство вокруг шефа. Было видно, как он поднёс ко рту спрятанный в рукаве микрофон, давая быстрые распоряжения. Зал мгновенно пришел в движение.

Остальные члены президиума тоже встали, как и все собравшиеся в зале. Для большинства участников съезда такие перепады настроения были настолько сильными, что было сложно сдерживать эмоции. Экраны заполнили картинки с интервью героя, и все увидели его открытое, молодое улыбающееся лицо. Режиссёры-постановщики уже справились с неразбери-

хой в своих рядах, направив скрытые кадровые резервы к микрофонам в зале. Даже, несмотря на суматоху, связанную с неожиданной новостью, регламент продолжал соблюдаться почти неукоснительно.

Аполлона Леонидовича, сидящего во втором ряду, раздражал лежавший в кармане пиджака телефон, который хоть и был переведён в беззвучный режим, назойливо вибрировал. Последние десять минут это сильно мешало расслабиться и перейти в привычный полусонный режим массового мероприятия. Сидеть с прямой спиной и взглядом, устремлённым далеко на президиум, надоело еще в самом начале, а облокотиться на спинку мешала боязнь, что вибрация в кармане будет слишком заметна. Он аккуратно вытащил сотовый и посмотрел на телефон. К удивлению Аполлона Леонидовича на экране высветилась надпись «Врач Трансплантология».

«Странно», – подумал партиец, вспоминая, откуда этот номер. Голова, забитая назойливым шумом съезда, гудела, но он быстро вспомнил, что это был звонок из Центра трансплантологии, куда он недавно попал из своей, закрытой поликлиники для работников Администрации Председателя с направлением на обследование. Несколько пропущенных звонков этого же номера говорили о серьезности намерений и настойчивости звонившего.

– Алло, – пригибаясь за спинами впереди сидящего руководства, партиец ладошкой прикрыл телефон, – я на съезде, перезвоните.

– Аполлон Леонидович, здравствуйте, это срочно!

Врач напомнил, что они знакомы через их общего товарища из министерства здравоохранения, который и устроил направление члена партии в Центр трансплантологии. Тогда Кариатиди и прошел все нужные исследования.

– Извините, что я так настойчиво, но я хотел вас предупредить. Надо спешить. Есть донорский материал. Вы хоть и не среди очередников, но я думаю, вам следует об этом знать. Я перепроверил все данные. Сердце вам подходит. Но вас нет среди очередников! Это может стать проблемой.

– Понятно. А что... Кто донор?

– Мы не знаем, – признался звонивший главврач Центра трансплантологии. – Знаем только, что молодой человек. Производственная травма.

– Так... Спасибо, что предупредили, Адам Генрихович. Держите в курсе дела...

– Есть! – подобострастно донеслось из трубки.

– Травма... травма...

Аполлон Леонидович задумался и приподнялся. Его взгляд автоматически скользнул по затылкам первого ряда, пробежался по залитой светом сцене, немного задержался на немногословном президиуме и впился в большой экран, на котором светилось лицо молодого, но скоропостижно ушедшего Героя.

Кариатиди заёрзал. Информация о том, что его не включили в список потенциальных реципиентов, взбесила его. Хотя, если признаться, и не удивила. Он прошел обследование в своей поликлинике и, воспользовавшись направлением, прошел тщательный осмотр в Центре, оставив все свои данные главврачу. Серьезного разговора о срочном оперировании не было, но сам факт, что его, партийного функционера высокого уровня, обошли, обжог его своей неслыханной дерзостью.

– Мы еще посмотрим, – злобно прищурился, стал оглядываться партиец.

Шестым чувством он ощущал, что решение лежит где-то рядом в пределах досягаемости, но до конца сформулировать где, он никак не мог. Чтобы решение пришло, Кариатиди откинулся на спинку своего стула, заставляя себя снова погрузиться в вибрацию съезда и поймав никогда не подводивший его чиновничий транс. Вдруг, его взгляд застыл на экране, который демонстрировал кадры торжественного открытия очередного мероприятия. Одинцов, стоя

в одном ряду с партийными функционерами, пел национальный гимн, положив правую руку на сердце. Кариатиды осенила догадка!

Фантазмагория народно-демократического форума шла своим чередом. Героизация процесса непоправимо вписывалась в летопись страны. Оказалось, что уже готово решение о том, что именем героя будут названы школа и улица в его родном городе. Горячие головы заявляли, что главная киностудия страны будет снимать сериал о павшем, а рабочие коллективы по всей стране проведут широкие обсуждения его замечательного трудового пути. Съезд всей своей массой уносил в запредельные для понимания обычного человека дали, а ораторы все ещё толпились у микрофонов, глуша эфир обязательствами и клятвами о вечной памяти.

Аполлон Леонидович с презрением смотрел на брызгающих слюной трибунов, лихорадочно думая об операции, в которой ему, заслуженному партийному деятелю, неожиданно было отказано. И кем? Какими-то врачами... Людьями, которых он, Кариатиды, мог с легкостью завернуть в консервные банки. Испепелить силой мысли и усилием партийной, железной воли. Даже не напрягаясь.

Неожиданно его взгляд остановился на микрофоне, который крепкой рукой держал кто-то из очередных ораторов. Потоки его грозных обещаний сразу же разносились могучими аудио-системами по всему огромному залу и подхватывались заведённой массой. Кариатиды оглянулся, посмотрел на президиум, повертел головой по сторонам. И неожиданно поднявшись с насиженного места, сосредоточенно пошёл на прорыв, расталкивая на своём пути всех своей неукротимой энергией.

– Сердце Партии должно биться вечно! Нужно увековечить память молодого металлурга! Мы подарим ему новую жизнь! – захватив микрофон, стал выкрикивать партиец, рассчитывая на поддержку зала.

Послышались робкие крики: «правильно» и аплодисменты.

– Товарищи! Друзья! Соотечественники! – Кариатиды стал напирать. – Сердце Героя не умерло. Оно живо! Кипит энергией Партии! Энергией её Лидера! Отдадим могучее сердце Героя народу! Передадим его для трансплантации кандидату от Партии, чтобы сердце продолжало пульсировать на благо страны! На благо великих свершений и под руководством нашего Лидера!

Для многих присутствующих лозунг: «Сердце Партии должно биться вечно!» прозвучал очень неожиданно. Этот внезапный поворот шокировал даже матёрых делегатов, однако идея нашла мгновенный отклик у простых участников съезда, для которых всё озвученное на форуме – есть призыв к действию. Немедленному и не обсуждаемому. И слёзы утраты сменились надеждой на чью-то вечную жизнь. Дворец конгрессов утонул в бурных аплодисментах.

Издёрганный звукорежиссёр решил не ждать новых сюрпризов и включил известную песню о родной земле популярного в народе певца, чья недавняя неожиданная смерть стала настоящим потрясением для всей страны. Не было человека, не пережившего боль и пустоту после его кончины, поэтому сейчас глубокий сильный голос артиста звучал как никогда символично и проникновенно. Простые члены Партии, сидевшие на задних рядах, стали подниматься с мест, со слезами на глазах распевая до боли родные слова любимой песни. Люди с порванным за день сознанием и скомканными чувствами, пели, создавая уникальную ауру единения и настоящего братства.

Первый заместитель Председателя, Мухтар Каримович Калмыков, сидевший в президиуме, встал и осторожно подошел к Председателю партии. Он наклонился и стал что-то объяснять. Речь шла о чем-то важном. Видевшим это было ясно, что пока зал пел, принималось важное решение. По дёрганию руки Председательствующего стало понятно, что ситуация ему сильно не нравится, но вновь открывшиеся обстоятельства и атмосфера не оставляют места для манёвра. Он нервно махнул рукой, как бы отгоняя подошедшего заместителя, и пренебрежительно кивнул головой. Шаг был сделан. Решение принято. Мухтар Каримович подал какой-

то знак за кулисы, и через мгновение экраны высветили яркий призыв: «Сердце Партии будет жить!». Безумный экспромт Аполлона Кариатиди моментально впечатали в скрижали истории правящей Партии.

Участники съезда расходились, распираемые грустью и гордостью одновременно. Аполлон Леонидович, коротко попрощавшись с рядом сидевшими коллегами и знакомыми, метнулся к столу секретариата, возле которого стоял его давнишний товарищ, знакомство с которым уходило корнями в комсомольское прошлое.

– Михалыч, здорово! – он издали махнул рукой руководителю Секретариата Центрального аппарата партии.

– А... Привет, – мужчина несколько неприязненно взглянул на Кариатиди и оглянулся по сторонам.

– Я видел проект резолюции... Думаю, теперь его надо шлифовать.

– М-да..., – глава Секретариата кивнул и раздраженно усмехнулся, – теперь точно надо вносить изменения.

Кариатиди, аккуратно взяв под ручку товарища по партии, развернул его к сцене. На экранах, на фоне развевающегося бирюзового знамени, золотыми буквами была высвечена надпись: «Сердце Партии будет жить вечно!».

– Ты понял? Надо внести в резолюцию соответствующий пункт.

– Скажи мне, это ты экспромтом к микрофону полез или ..., – резонный вопрос искусственного аппаратчика завис в воздухе.

– Ты вноси изменения. Это главное, – не спеша с ответом, ухмыльнулся Кариатиди и добавил. – У нас любой экспромт всегда хорошо отрепетирован.

Он решил оставить собеседника в догадках, поскольку и сам понимал, что его инициатива выглядела вызывающе для идеологов, которые в эту минуту плотно окружили стареющий президиум партии.

На фуршет идти расхотелось, хотя, наверное, надо было. Навалилось нехорошее предчувствие, что события, инициатором которых он неожиданно стал, будут иметь самые серьезные последствия.

Беседа в саду

*15 декабря 2020 г., 11.30 (время местное)
Республиканский центр трансплантологии сердца
Зимний сад*

– Ну что за день такой?! – в сердцах произнес Амир Сулейменович. Обычный распорядок дня пошел насмарку, были отменены все выезды и встречи, несколько незначительных совещаний было перенесено на неопределённый срок. Он хотел посмотреть списки других пациентов, но вспомнив крепкое рукопожатие сотрудника национальной безопасности, имя которого как-то стерлось в памяти, плюнул на всё и пошел лично проверять операционный блок.

Погруженный в свои мысли, Исаев спускался по лестнице и вдруг услышал, что его кто-то окликнул. Подняв глаза, он увидел, что на площадке первого этажа стоит Следователь.

– А я как раз к вам хотел подняться, – мужчина подождал, когда Исаев спустится к нему. – Я материалы принес, чтобы вы понимали сложившуюся ситуацию.

Возвращаться к себе не хотелось. Да и задерживаться для беседы с чекистом особо желания тоже не было.

«Только его мне не хватало, – подумал директор. – Надо поскорее от него избавиться».

Они вышли в фойе первого этажа.

– Это надолго? – давая понять, что очень занят, спросил Исаев.

– В общем-то, нет, – просто ответил Следователь, – но мне надо передать вам документы.

– Давайте пройдем в зимний сад, – Амир Сулейменович повел гостя в сторону закрытого для обычных пациентов клиники небольшого помещения, в котором по настойчивой просьбе главврача он распорядился сделать оранжерею для VIP-клиентов Центра. Туда редко кто заходил, поэтому директор не боялся, что кто-то помешает их беседе. Проходя мимо поста охраны, он дал указание дать ему ключи от сада.

– Ещё лучше, – проходя за директором в большую комнату, уставленную живыми растениями, обрадовался Следователь и вдруг с удовольствием вдохнул прохладный воздух сада. – Хорошо-то как!

– Да... Мы создаем все условия, как для лечения, так и реабилитации наших больных, – сухо констатировал факты Исаев.

– Ага, только ключи не у всех, – грустно пошутил собеседник.

Они прошли к ротанговой тройке с журнальным столиком. Амиру Сулейменовичу было неудобно смотреть на собеседника, поскольку тот умышленно встал так, чтобы яркое солнце, заливавшее зеленую комнату, било прямо ему в лицо. У Исаева возникло ощущение, что он разговаривает с силуэтом чекиста.

– Прежде чем показать вам то, что я обещал – вот, подпишите, пожалуйста. Это обязательство о неразглашении, – Следователь положил на стекло стола свой портфель и достал папку.

– А это... Никаких ограничений? – с сомнением в голосе поинтересовался Амир Сулейменович.

– Нет-нет. Это просто обязательство не разглашать то, что вы прочтёте в этих бумагах, – мужчина кивнул на папку. – По идее мы должны были вас с ними ознакомить у нас. Но учитывая тот цейтнот, в котором мы оказались, приходится идти на риск. Здесь я очень надеюсь на то, что вы не подведёте.

– Конечно, – директор знал, что последствия могут быть самыми суровыми и повторил уже более уверенно. – Конечно.

На столе появился листок с уже отпечатанным текстом. Следователь предусмотрительно положил на листок свою ручку. Директору лишь оставалось подписать и поставить число. Исаев быстро пробежал взглядом по тексту и наклонился, чтобы размашисто подписать документ.

«Оно мне надо?» – в глубине сознания мелькнула мысль, но отказаться он не мог. Выбора, в сущности-то, и не было. Следователь внимательно посмотрел на быструю, но хорошо очерченную подпись директора и спрятал документ в глубине своего портфеля. Он поставил два пальца на синюю папку, которую принёс с собой, и одним движением пододвинул её к директору.

– Не потеряйте. Я тут специально для вас подготовил, в сжатом виде, но чтобы было понятно. Прошу вас внимательно ознакомиться с тем, что внутри. Там то, о чём мы с вами говорили. В вашем кабинете я видел сейф. Он надёжный?

– Да. Ключи только у меня. Не беспокойтесь.

– Вы должны как можно скорее ознакомиться и в следующую встречу вернуть мне всё.

– Ого, – искренне удивился Амир Сулейменович, – а сколько у меня времени?

– Думаю два-три часа, – собеседник предельно ясно дал понять, что времени в обрез, и просто сидеть и ждать это непозволительная роскошь. – Я пока попробую что-нибудь разузнать, пообщаться с членами вашего коллектива. Не возражаете?

Исаев пожал плечами, понимая, что от него не ждут отрицательного ответа.

– Если возникнут какие-нибудь вопросы, звоните незамедлительно, – ещё раз напомнил Следователь и с интересом посмотрел через плечо директора, в сторону двери.

Амир Сулейменович оглянулся и увидел, как охранник жестом указывает ему на стоящего в дверях Давлетгереева.

– А вот это уже интересно, – Следователь профессионально ушел из поля зрения бизнесмена, спрятавшись за спиной директора Центра. – Он, судя по всему, к вам. И возможно это то, о чем мы с вами говорили. Будьте, пожалуйста, очень внимательны.

Исаев со вздохом направился к дверям, всем видом показывая, что посторонним в зимний сад проходить нельзя. Он кивнул охраннику и приблизился к пациенту. Директор внимательно выслушал Давлетгереева. В завершении их краткого разговора, Исаев задал несколько вопросов и по-дружески похлопал бизнесмена по спине. Ринат Олегович, явно не добившись какого-либо точного ответа, недовольно скрылся за дверью. Директор вернулся в сад с озадаченным видом.

– Что-то интересное? – Следователь вышел из тени комнатных растений.

– Странный какой-то разговор, – признался Амир Сулейменович.

– Ну что?

– Об операции он не сказал ни слова. Но спросил, не звонили ли мне по поводу него.

– И всё? – допытывался Следователь.

– И всё. И ни слова о том, чтобы выбрали его. Так что... Может это не наш случай?

– Думаю, вы ошибаетесь, – задумчиво произнес чекист. – Это как раз очень и очень интересно. Надо же... А я всё же предполагал, что это будет...

Директор с любопытством посмотрел на собеседника и нетерпеливо спросил:

– Кто?

Следователь усмехнулся и голосом Марлона Брандо из «Крестного отца» выдавил:

– Я думал, что это будет Клеменца. Но Тессио всегда был умнее.

Видя, что директор шутки не оценил и нахмурился, Следователь извинился.

– Я пошутил. Просто мне кажется, что нам с вами удалось кое-что нащупать. По-настоящему важное.

– Нашли время шутить..., – раздосадовано упрекнул Амир Сулейменович. – У меня на носу сложнейшее решение. И операция.

– Вы лучше ознакомьтесь с бумагами, как можно скорее. Если я не ошибаюсь, то звонок к вам действительно должен поступить.

Тон сотрудника нацбезопасности обдал залитую солнцем оранжерею холодком. Вместо слов прощания он сухо прочеканил:

– Сообщите нам незамедлительно, кто именно звонит, как его имя и должность. У нас есть предположения, кто это, но они должны быть вербально подтверждены. Дальше мы уже знаем, как действовать. На связи!

Курсом партии

*15 декабря 2020 г., 13.00 (время местное)
Республиканский центр трансплантологии сердца
Кабинет директора центра*

Едва зайдя к себе в кабинет, Амир Сулейменович устало рухнул в свое кресло. Он закрыл на секунду глаза, стараясь немного собраться с мыслями, но потом резко выпрямился и открыл папку Следователя, которую он бросил на свой стол. К его удивлению первым документом было краткое досье Давлетгереева. В верхнем углу листка на него смотрело знакомое лицо бизнесмена. Но, едва начав читать, директор чертыхнулся от неожиданного звонка городского телефона, стоявшего здесь же, на столе.

«Дурак, напугал», – выдыхая, прошептал директор в сторону.

– Алло! Исаев!

– Амир Сулейменович, здравствуйте, – сразу забубнила трубка. – Это Ахметов, из Министерства здравоохранения.

– Да. Слушаю вас.

– Тут такое дело... – стараясь доступней выразить мысль, сказал чиновник Минздрава, – вы новости не смотрели?

Амир Сулейменович удивился такому вопросу.

– Нет. Нам сегодня как бы... совсем не до развлечений.

– Гм... Ваша аполитичность иногда выглядит вызывающе. А ведь сегодня съезд Партии. Это замечание рассердило руководителя клиники.

– Послушайте, если у вас в министерстве и есть время смотреть съезды, то у нас нет, – Исаев стал заводиться. – Утром прибывает донорское сердце. Так что нам не только не до съезда, но и не до ваших нотаций.

– Ладно, Амир Сулейменович, вы не кипятитесь, – голос в трубке старался звучать примирительно. – Я, собственно, по этому вопросу и звоню.

«Не кипятитесь», – мысленно проворчал Исаев.

– Вы в прошлый раз нам с главврачом с этой очередью все нервы вымотали.

– Адам Генрихович Классен, настоящий профессионал, – донеслось официально. – Нервы у него покрепче ваших-то будут. Лично он у нас на прекрасном счету.

Директор Центра с нарастающим внутренним сопротивлением слушал нудного чиновника из Министерства здравоохранения, который «пылал» на другом конце телефона.

«Знаю я, на каком он у вас счету», – внутренне взорвался Амир Сулейменович, но сдержался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.